

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

**СОЛО ДЛЯ ПИСТОЛЕТА
С ОРКЕСТРОМ**

Наталья Андреева

Соло для пистолета с оркестром

«Автор»

2005

Андреева Н. В.

Соло для пистолета с оркестром / Н. В. Андреева — «Автор»,
2005

ISBN 978-5-17-071834-4

Она любила фильмы о любви и смотрела их часто, особенно с тех пор как умер ее муж. Смотрела, пока не увидела на экране американский фильм со странным сюжетом. Ей показалось, что это история ее собственной жизни. Те же события, та же страсть, только вот муж героини не умер, а был убит. Что это? Странное совпадение? Или кто-то сознательно дал ей знать, что совершено убийство? Но почему таким изощренным способом? Ведь она могла и не увидеть этот фильм! Или какой-то маньяк решил убить и снять об этом кино? Она решает провести собственное расследование. Но удастся ли ей узнать правду?

ISBN 978-5-17-071834-4

© Андреева Н. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Из-за такта	5
Адажио (Медленно)	8
Анданте (Не торопясь, спокойно)	19
Модерато (Умеренно)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Андреева

Соло для пистолета с оркестром

Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые совпадения имен и событий случайны.

Из-за такта

Фильм был типично американский: довольно-таки примитивный сюжет, леденцовая карамелька, но завернутая в яркий фантик непрерывного действия. Вроде и смотреть нечего, а уж если начнешь, то невозможно оторваться. Картинки сменяют одна другую, как цветные стеклышки в калейдоскопе, что-то без конца взрывается, мчится, несется, горит, кто-то без конца выясняет отношения. Леденец со вкусом обсасывается со всех сторон...

Она же любила русские фильмы, снятые лет двадцать назад, созерцательные, с хорошей актерской игрой, без отвлекающих внимание спецэффектов. Но такие фильмы были хороши долгими зимними вечерами, когда в комнате мягкие сумерки, в руке бокал красного вина, а в камине пылает огонь... Просыпаться же лучше всего вместе с героями сериала. Увидеть их в положенное время на экране и невольно подумать: «Ну вот, все свои дома. Жизнь продолжается».

Она встала в обычное время, с единственной мыслью тут же включить телевизор и понять, что жизнь продолжается. Оставшись в одиночестве, необходимо за что-нибудь зацепиться. Хотя бы за сериал. Муж умер год назад, а на экране все те же герои, что и до его смерти. Он умер, а они живы. Она тоже жива. Суррогат семьи. Все свои дома. А что делать? Но спросонья она нажала не на ту кнопку и попала на другую программу. Увидела, как два друга выясняют отношения в далекой Америке. И что-то мелькнуло в ее сознании, странное ощущение встречи со старыми знакомыми. Одного звали Майкл, а другого Питер.

Майкл не был ни смуглым брюнетом, ни ярким блондином. Среднестатистический парень со среднестатистическим цветом волос. Они с Питером когда-то сидели за одной партой. Там, в Америке, у них другие школы, и никаких парт, разумеется, нет. Но в маленьком русском городке, где оба родились, в те времена во всех классах старой двухэтажной школы стояли именно парты. Она знала об этом от Питера. Тот любил рассказывать о своем детстве: о том, как они с Майклом мазали воском школьную доску, чтобы по ней не чертил мел, как принесли в класс белую крысу и напугали химичку, как сорвали урок истории, развернув все парты сиденьями к доске...

А Питера она знала хорошо, потому что Питер был ее мужем. Как странно это звучит: мой муж Питер. Конечно, он не был Питером. Петя Шумов, русский парень с голубыми глазами и носом уточкой, настырный и любивший риск. Это он с детства придумывал то, что потом выполнял Майкл. И про крысу придумал он. И шутку с партами. И потом... Он не боялся брать кредиты под шальные проценты и искренне верил в то, что через пару лет будет работать только на себя. Он пропадал ночами на работе, улаживая дела, ел наспех, не чувствуя вкуса пищи, носился по банкам и поставщикам, в налоговую инспекцию и на склады, и в этой бешеной гонке создавал свою империю. Государство имени Петра Петровича Шумова. Концерн Питера Шона.

Нет, это невозможно! Она сидела на краешке дивана с пультом в руках и тупо смотрела на экран. Вся ее жизнь уложилась в двухчасовой художественный фильм. Потому что она тоже была в нем одним из главных действующих лиц. Кстати, очень похожа. Актриса, которая играет жену Питера, весьма недурна. Конечно, ее называют не Юлией. Джулия, как же еще! Красивая

Джулия Шон прикрывает тыл Питера, готовя ему завтраки в огромной американской кухне. Ах, если бы они знали, как надоедает переезжать с квартиры на квартиру, таща за собой все эти сковородки, тарелки, чашки, кастрюли, чтобы в крохотной кухоньке под утро запахло едой! И не было у нее никогда электромясорубки и тостера. И такой электрической кофеварки, как у Джулии Шон, не было тоже. Юлия Шумова возила с собой по частным квартирам походный набор из четырех глубоких тарелок, четырех мелких, двух кастрюль, одной сковородки и целлофанового пакета с вилками, ложками и парой затупленных ножей. Ибо вечно занятому мужу некогда было их точить.

Жену Майкла она знала плохо. Их пытались сделать подругами, но не сложилось. Оба пытались. И Майкл, и Питер. Почему? Ведь у Майкла была красивая жена. Может, поэтому ревность к ней оказалась сильнее интуитивной веры в ее доброту и сердечность. Красивая шатенка на экране казалась именно такой. Как же ее звали? Да так и звали: Лиза. В Америке тоже есть Лизы, или Лисы? Но почему ее сделали такой милой и несчастной? Неужели она так страдала из-за всей этой истории с Майклом? Женщина с тонкими, правильными чертами лица, всегда улыбающаяся, без всяких претензий и обид. Да, именно так. Очень точно поймали образ. И про любовь между ней и Майклом. Они так любили друг друга! Святая правда!

Она всегда немножко завидовала этой любви. И радовалась, когда муж втянул Майкла в свои дела и тот, как и Петр, то есть Питер, стал ночами пропадать на работе. Пусть у Лизы тоже не будет мужа! Что ж, ведь у нее есть прелестная дочка. В отличие от Джулии, которая так одинока. Боже, как же все это было давно! Они с Питером ни в чем не виноваты. И она не знала, честное слово, что ее муж обещал Майклу деньги на собственный дом и должность второго лица в фирме, которую оба создавали. Только сейчас начала понимать, что действительно некрасиво получилось. А тогда казалось, что Майкл во всем виноват сам. Он вел себя с Питером как старый друг, а вокруг уже были новые люди. Люди со стороны. И они не понимали, когда генерального директора панибратски хлопали по плечу и говорили: «Здорово, Петька!»

Как попросить человека, с которым сидел за одной партой, чтобы он соблюдал субординацию? Чтобы ждал в приемной разрешения войти в кабинет, представлялся секретарше, по какому вопросу звонит, и не навязывался в гости, когда там сидят нужные люди? Она никогда не думала, что Майкл обижается. Кто ему мешал сделать карьеру? Ах да, обещанные должности в руководстве фирмы разобрали близкие родственники! Но надо же кормить такую большую семью! И неужели надо ссориться с Петиним дядей, или, чего хуже, с его отцом? Почему же после сорока минут просмотра фильма кажется, что Майкла жестоко обманули? Выкинули на улицу, оставив без обещанного жилья, зарплаты, должности. Выкинули вместе с женой и маленьким ребенком. Она же потом присылала девочке подарок на Новый год. Она, то есть Джулия Шон. Там были конфеты и маленькая игрушка. Да, вот и эпизод с подарком. Только мама не дала девочке подарок, выкинула конфеты в мусорное ведро, а у самих на рождественском столе даже бутылки шампанского нет. И никакой индейки, как у Питера и Джулии. Должно быть, на самом деле не в Америке, а в России они ели картошку с капустой и соленые огурцы. Кстати, а что это за дом? Похоже на деревню. Но это ведь Америка. Маленькая американская ферма.

Но на самом деле была деревня. Питер, то есть Петя, как-то обмолвился, что Майклу отрезало кисть руки во время работы с электропилой. В фильме показали другой аппарат. Она даже затруднилась бы сказать, что это такое. Но эпизод с отрезанной рукой был узнаваем. У Майкла руки электронщика с длинными, тонкими пальцами, не приспособленные к тяжелому деревенскому труду. Она прекрасно помнила его замечательные руки. Майкл стал инвалидом из-за этого аппарата, а вовсе не из-за Питера, который уволил его с работы и не заплатил за последний месяц. Кто заставлял ехать в эту деревню? Работы, что ли, не было в Москве? Ах да, кажется, был кризис! А разве у них в Америке бывают кризисы? Это здесь проклятое девятнадцатое августа заставило забыть обо всех друзьях. Честное слово, оказалось не до друзей.

Ну как это объяснить? Огромные суммы невозможно было вытащить из банка, которые в том августе лопались словно мыльные пузыри. Питер спасал дело. Все очень просто. Ему было не до Майкла.

Но почему же так хочется плакать? Ей жалко теперь эту Лизу. Маленький ребенок на руках, муж-инвалид, денег нет, старый дом разваливается. Она тоже плачет, бедная Лиза. И пишет какое-то письмо. Нет, не Питеру. У кого она просит? Справедливости у Бога? Защиты у президента? Нет, Питер умер не поэтому. Автомобильная катастрофа, так бывает. Но кто этот человек, который копается в машине? И что он делает с тормозами? Сливают тормозную жидкость? Убийца! Уголовное дело даже не возбудили: неисправные тормоза и скользкая дорога. Несчастный случай. Кому нужны проблемы? Муж умер год назад.

Да, он сел в свою машину и поехал на дачу к жене. В фильме, конечно, это не дача, а загородный особняк. Огромная вилла с парком и бассейном. Был бы у нее этот бассейн! А почему же дорога была скользкой, не зима ведь, май месяц! Просто дождь прошел. Обычный дождь. Весенний. И пахло прибитой им пылью, и омытой зеленью пахло. Острый, возбуждающий запах. Она такая сочная и душистая в мае, зелень, а тут еще этот дождь!

Весна... Она невольно застонала. Распустившиеся почки вербы похожи на маленьких желтых цыплят, рассеявшихся на насесте упругих веток. Но цыплят уже не было. Вербя отцвела. Были желтые одуванчики и майская гроза. Да, муж очень любил классическую музыку. Он наверняка поставил кассету. Она не уверена только, что именно эту. Фрэнсис Гойя, «Заливные луга». Петя ехал и слушал музыку. Он всегда так делал. Кто-то об этом знал. Но почему «Заливные луга»?

Сначала слышно только флейту. Тоненький голосок. Словно ручеек. Она готовит к чему-то необычному, несколько минут томительного ожидания, и вдруг шум оркестра, который обрушивается на заливные луга, словно обильный ливень. Но именно в этот момент машина начинает скользить на дороге, а тормоза не работают, и она вращается, вращается, а потом летит с обрыва. Высоко. Машина несколько раз переворачивается, уже на земле, потом все происходит в замедленном повторе. Голова Питера в крови, в глазу и из щеки торчат осколки стекла, и пауза в музыке. Конечно, краткая пауза, потому что он умер на месте. А потом снова солирует одна только флейта. И камера отходит все дальше, дальше, и уже внимание не на машину и не на людей, которые бегут по шоссе. Зеленые луга, серебристая рябь речки, неспешно несущей свои воды вдаль, к лесу. А потом поля, поля, поля... Бесконечные поля. С высоты птичьего полета. И последний звук флейты тает в глубине синего неба. Все. Торжество жизни. Которая продолжается. Потому что речка несет свои воды, а трава тянется к небу.

Слезы по лицу. Давно она так не плакала. Что подумали люди, которые увидели ее? Увидели холодную, бессердечную женщину, жену бизнесмена? Озабоченную только своей прической, маникюром и походами по магазинам? Неужели со стороны это так выглядит?

Она так плакала, что не смогла прочитать титры, которые пошли сразу же на фоне синего неба. Машинально стала искать на диване программу. Что за фильм? Кем снят? Кто посмел? Она никогда никому не рассказывала... Ах да! Самое главное, что мужа убили. Не было несчастного случая. Женщина на минуту перестала рыдать.

Потом подвинула к себе телефон и набрала ноль и двойку. Пальцы слегка дрожали. Когда ответил дежурный, сказала сдавленно, сквозь слезы:

- Моего мужа убили.
- Успокойтесь, пожалуйста. Адрес назовите. Откуда вы звоните? Когда убили?
- Год назад. Его убили год назад...

Адажио (Медленно)

Уже с неделю Дмитрий Глазов приходил домой в половине восьмого. Делал вид, что активно ищет работу, ездит на собеседования, обивает пороги. Ведь дома его встречал вопро- сительный взгляд жены: ну и как? Этого взгляда он боялся больше, чем ругани и упреков. Не оправдал ожидания. А не надо ждать, тогда и оправдываться не придется! Отношения в семье становились все напряженнее. Нерв его кратких диалогов с женой все натягивался и грозил со звоном лопнуть. От этого ожидания уши словно заложены ватой. Чтобы не оглушило.

История его была вполне обычной. Еще три недели назад Дмитрий работал в одном из РУВД города Москвы, оперуполномоченным, и ожидал присвоения очередного звания, повы- шения по службе и перевода в Главное управление, на Петровку. Чтобы заняться наконец серьезной работой, а всю мелочевку оставить в прошлой жизни. Втайне он считал себя чело- веком талантливым, не сказать чтобы гениальным, но работу свою он любил, среди коллег выделялся смекалкой, трудолюбием, и вообще: кого продвигать, как не его? Молод, умен, честолюбив. Месяц назад на его участке случилось убийство, и, сотрудничая с коллегами из МУРа, Дмитрий сумел проявить себя. Ему обещали устроить перевод, и он знал, что заявка уже пришла.

Но у Глазова был один существенный недостаток: он не умел, а главное не хотел проги- баться перед начальством. Вел себя слишком уж независимо да еще посмеивался над колле- гами по работе. Я, мол, Д'Артаньян, а вы так, погулять вышли. Работал Глазов хорошо, нерас- крытых дел у него было меньше, чем у других, и его терпели. Но нагружали сверх меры. А он тянул свой воз. Потому и не отпустили: нечем заменить. Приятель вовремя подсуетился, кого надо подмазал, где положено проставился, и должность с повышением досталась ему, хотя в последнем громком деле он практически не участвовал. Для Дмитрия это было ударом. Как так? В горячке бухнул на стол рапорт об увольнении из органов и сказал многое из того, чего говорить не следовало бы. А полковник в такой же горячке и обиде взял да и подмахнул рапорт. Теперь обе стороны об этом жалели, но Глазов уже встал в позу и делал вид, что ищет другую работу.

На самом деле он находился в глубокой депрессии. Дмитрию Глазову было двадцать восемь лет, но полученный им удар был настолько серьезным, что он ощущал, как земля ухо- дит из-под ног. По наивности и молодости лет он все еще ждал, что позовут обратно. Позво- нят, приедут, поклонятся в ножки, принесут извинения. Ведь он незаменимый, один такой на свете, и вообще...

Не позвонили. Как так? Мир устроен несправедливо? Земля вращается вовсе не вокруг Дмитрия Глазова? Открытие не из приятных! И он откровенно затосковал.

В этот день Глазов вошел в свою квартиру в половине восьмого. И сразу почувствовал: сегодня непременно лопнет. Будет разговор, и серьезный. Самое странное, что до этого жена постоянно жаловалась на маленькую зарплату Дмитрия и убеждала его, чтобы работу в мили- ции бросил. Но потом выяснилось, что он не должен был так уходить, в никуда. Сначала надо подготовить почву, найти другую работу, а уходя с прежней, дверью не хлопать и ни в коем случае не плевать в колодез. Даже если вода в нем все равно смердит.

Всю дорогу домой Дмитрий готовил патетический монолог в собственное оправдание. Он такой хороший, замечательный, ни в чем не виноватый. А они гады, сволочи. Жена заслу- шает и поймет. А потом простит. И они вместе будут есть котлеты из картонной коробки, отме- ченные маленьким содержанием холестерина, и жареную картошку, а потом лягут в постель и займутся любовью. Словом, закрепят перемирие, и все будет хорошо.

Он вошел в комнату, где сидела жена. На диване перед телевизором. Телевизор был включен, шел популярный сериал. На столике стояли тарелки. Жена машинально что-то жевала, не отрывая взгляда от экрана.

– Послушай, Светлана, – со вздохом сказал он. – У меня такое ощущение, что в квартире вместе с нами живет чужая семья. – Глазов внимательно посмотрел на экран: – Отец и трое взрослых детей. Я прихожу и вижу их. Я ем, они тоже что-то жуют. Я говорю, а они говорят громче. И, между прочим, их ты слушаешь, а меня нет.

– Я не виновата, что ты приходишь домой в одно и то же время. На, выключи, – Света протянула ему пульт.

– Ну нет! Тогда у тебя будет такой вид, будто заболели близкие родственники! Сколько еще осталось?

– В восемь часов закончится, – Светлана машинально пододвинула ему тарелку с котлетами и слипшейся горкой макарон. – Ешь.

Аппетита у него не было. Покосившись на макароны, Дмитрий сказал:

– Пойду чаю попью. После восьми поговорим?

– Запросто! Там все равно ничего интересного больше нет.

Глазов на всякий случай взял программу. Для себя он нашел в ней много интересного именно после восьми часов вечера. Похоже, они со Светланой живут в разных мирах. Пока не было материальных проблем, эти миры еще соприкасались, теперь между ними легла пропасть. Светлана на пароходе, который уверенно плывет по реке под названием Жизнь, а он барахтается за бортом.

Он решил не обострять отношения и ушел на кухню. Пить чай и ждать. Он знал, что если начнет смотреть какой-нибудь фильм, то с женой поговорить не удастся. Любое дело Дмитрий доводил до конца. Даже если фильм был бредовым, Глазов терпеливо дожидался, пока он закончится, чтобы потом возмутиться, раскритиковать содержание и переключиться на другой канал. На кухне он вскипятил чайник, и, помешивая сахар в стакане, взял со стола книгу и стал разглядывать обложку.

«Так, так, так... Еще один посторонний человек в моей квартире. Очень знакомое имя: Аким Шевалье. Ну и псевдонимы выбирают себе некоторые писатели! Все люди как люди, а этот – Шевалье! Аристократ из переулка имени Первого мая! Сколько же в доме этих Акимов?»

Глазов прикинул. Еще один Шевалье лежал в совмещенном санузле, на стиральной машине. Другой валялся в комнате на диване. Черный глянцевого переплет с бордовыми потеками, якобы крови. Жена любила мистическую фантастику и охотно читала про кровавых вампиров, ведьм, колдунов и чудовищ. Раньше Глазов просто не обращал на это внимание, теперь, когда у него появилось свободное время, задумался. Что-то же она находит в этих книгах? Может, он чего-то пропустил в том мире, который выбрала для себя жена? Вдруг этот мир интересен?

Дмитрий Глазов повертел в руках книгу, потом глянул на обложку с обратной стороны. И прочитал, что автор нескольких бестселлеров Аким Шевалье трагически погиб в автокатастрофе. И было это давно. Судьба писателя взволновала Глазова гораздо меньше, чем собственная. Ну умер, ну Шевалье.

Открыл книгу и стал читать. Аким Шевалье приятно его удивил. Конечно, то, что он писал, смахивало на бредятину. Галлюцинации человека, обкурившегося травки. Разумеется, лошади не летают, рыбы не говорят, трава зеленого цвета, потому что хлорофилл, а ночью на кладбище тихо. Измерение, в котором существовал писатель, напоминало картины Сальвадора Дали. Только знаменитый художник пририсовывал Джоконде усы, а лошадям паучьи ноги. Аким Шевалье подобных уродов оживлял и описывал. Монстры, которые у него при этом получались, впечатляли. Если человек талантлив, то неважно, о чем он пишет. Все равно дочи-

таешь до конца. Чтобы потом плевать и говорить, что это полный бред. Глазову совершенно не нравилось то, о чем писал Аким Шевалье. Ему нравилось, как он писал. Дмитрий не мог не признать, что в творчестве писателя что-то было. Дрожь пробирала. Значит, цель, которую преследовал Шевалье, достигнута. Это ли не талант?

И Глазов увлекся, просидев с книгой несколько часов. Светлана заходила на кухню три раза, гремела чайником, так громко несла в раковину тарелки, что одна разбилась, а сметая в совок осколки, демонстративно махнула мужу веником по ногам. Но веника он не почувствовал. Зачитался.

Потом она принесла Акима Шевалье из санузла и демонстративно уселась с книгой напротив. Кажется, они нашли общий язык. Появилась тема для долгой доверительной беседы: обсуждение творчества Шевалье. Но предшествовало этому глубокое молчание: оба читали. Когда Светлана около полуночи ушла спать, Глазов все еще читал, и, как ни странно, ему становилось легче.

На следующее утро он проснулся позже, чем обычно. Машинально включил телевизор и уставился на экран. Всю ночь Дмитрию снились странные сны. Начитавшись на ночь мистики, Глазов галлюцинировал. Всю ночь за ним скакал носорог на паучьих ногах. То, что это именно носорог, Глазов понял по носу-рогу. Что же касается ног... Машинально он смахнул с лица несуществующую паутину.

Фильм, который шел по телевизору, словно бы являлся продолжением сна. Глазов даже зажмурился и замотал головой. В книге, которую он вчера читал, одним из действующих лиц была музыка. Она органично вплеталась в действие. Маньяк-вампир до вкушения первой крови был дирижером. Он обедал с женщиной под звуки «Аргентинского танго». А за ужином, который приходился на полночь, аппетиту способствовал вальс. Шевалье удачно это описывал. Без сомнения, он чувствовал музыку и понимал. На каждый такт умел положить действие.

Сейчас Глазов смотрел, как под звуки флейты переворачивается большая черная машина, и чувствовал то же, что и вчера, когда читал книгу Акима Шевалье. Если бы его спросили, в чем конкретно заключается сходство, он не смог бы этого логично объяснить. Просто и фильм, и книга вызвали в душе одно и то же чувство: красивая музыка не позволяла воспринимать смерть как нечто конечное. Аким Шевалье воспевал торжество жизни, описывая оргии кровавого вампира. Маньяк не убивал хороших людей, он расправлялся с плохими. Глава концерна умирал, а флейта пела о торжестве справедливости. Те, кому надо, будут жить! Возмездие! Режиссер смаковал подробности в замедленных повторах. Еще раз, и еще... Глазов вздрогнул и схватил программу.

Фильм был снят в этом году, совсем свеженький. Режиссер Андре Никольски. Не на слуху. И фильм малобюджетный. Премий не получал, успеха в прокате не имел, потому и очутился так быстро на кабельном канале в далекой России. Да еще в утренней программе. Или повтор? Пусть будет Андре Никольски. На всякий случай Глазов взял вчерашнюю книгу и посмотрел дату смерти писателя. Аким Шевалье трагически погиб аж целых семь лет назад! Никакого отношения к фильму он не имеет. И жанры разные. Шевалье писал мистику, Андре Никольски показывает реальность. Даже не детектив. Проступок и возмездие. А музыка – что музыка? Начитался, вот и привиделось.

Страхнув с себя оцепенение, он отправился на кухню. Жена уже ушла на работу, Дмитрий пил кофе в одиночестве. Потом пошел искать работу.

На улице он принялся разглядывать людей. Все куда-то спешили, бежали, и никто не замечал Дмитрия Глазова. Всем на него было наплевать. Ему плохо? Сейчас всем плохо. Каждый сам за себя, и все друг против друга. Ему еще никогда не приходилось искать работу, оказалось – это унижительно. Вот если бы он не попал на прежнюю должность по распределению, а побегал бы по объявлениям, то не поступил бы так опрометчиво.

Дмитрий наметил для себя посещение нескольких учреждений, но так и не зашел ни в одно. Вместо этого он уселся на лавочке в сквере и стал смотреть на весну. Это было гораздо приятнее, чем поиски работы. Глазов смотрел на весну и думал: близится миллениум! Близится конец света! Когда он наступит, известно, а как? Неизвестно. Может, и не стоит искать работу? Раз конец света.

Он ел дешевое мороженое и смотрел на играющих детей. У самого Дмитрия Глазова детей не было. Жене Светлане недавно исполнилось двадцать четыре года, она и слышать не хотела о ребенке, потому что делала карьеру. Светлана ни разу не задумалась над тем, что если сделает карьеру, то не родит вообще.

А на детей смотреть было приятно. Кудрявая девочка с синим бантом в волосах подошла и протянула Глазову игрушечный совочек со словами:

– На. Слепи мне куличик.

Девочка предложила то, что надо: работу. Потому что интуитивно все поняла. И почему из детей вырастают жестокие начальники, которые ничего не хотят понимать? Куда все уходит? Дмитрий послушно залез в песочницу и стал лепить куличик. Наконец-то ему было хорошо.

Он завершил этот день, побродив по окрестностям. В семь часов побрел домой, вспомнив, что с женой вчера так и не поговорил.

И вечером он не сумел этого сделать – помешал звонок в дверь. Глазов спрятался в комнате, а Светлана побежала открывать. Потом она радостно крикнула:

– Дима, к тебе пришли! – И ушла на кухню ставить чайник.

Этого человека Глазов хотел сейчас видеть меньше всего на свете. Потому что он предатель. Аркадия Мельникова взяли на ту должность, на которую претендовал Дмитрий. Именно этот человек был ему раньше симпатичнее, чем остальные коллеги. Очень общительный, обаятельный парень, который любил говорить людям приятные вещи. Мельников помнил все дни рождения и юбилеи, он первым поздравлял начальство и ставил ему в заслугу собственные раскрытые дела. Причем Глазов никогда не заподозрил в интонациях Аркашиного голоса ни малейшей фальши. Только искренняя доброжелательность и неизменная щедрость, с которой Аркадий делал подарки. У Мельникова всегда было ровное и прекрасное настроение. Он не умел брюзжать и никогда не жаловался на жизнь. Мельников туго соображал, но всегда умел сделать так, чтобы за него охотно соображали другие. Даже сейчас Дмитрий не мог заставить себя разозлиться на Аркадия как следует. Тем более что тот вручил ему огромный торт, бутылку водки и сказал виновато:

– Димка, ну честное слово, я здесь ни при чем! Это начальство так решило. Я отказывался, говорил, что повышение заслужил ты. И зачем ты заявление на стол бухнул? Хочешь, я сам с Гринько поговорю? Найдем мы тебе работу!

Глазов знал, что Аркаша врет. И суетился, и проставлялся. И к полковнику неоднократно ходил. Послать бы его сейчас, но... Светлана тут же высунулась из кухни:

– Глазов, хватит дуться. Ты свинья. Тебе человек помощь предлагает, а ты его дальше прихожей не пускаешь. Аркадий, проходи в комнату, я сейчас на стол собираю.

– Я помогу, – Мельников тут же исчез на кухне.

Дмитрий не мог понять, как это у некоторых людей так гладко все получается. Со Светой Мельников виделся всего пару раз, но они уже на «ты», и теперь слышно, как жена громко смеется в ответ на шутки гостя. Глазов откровенным букой не был, он просто всегда тонко чувствовал дистанцию между собой и другими людьми и то территориальное пространство малознакомого человека, в которое опасно было вторгаться. Мельникова на близкое расстояние допускали без опаски, и он хозяйничал на чужой территории так же активно, как и на своей собственной. Вот и теперь он принес в комнату рюмки, чашки, тарелку с печеньем и сахарницу. На столе красовался принесенный им огромный торт. Светлана расселась в кресле, и Дмитрий заметил, что жена тайком подкрасила губы.

– Ну, как там, на новой работе? – вяло спросил он.

– Знаешь, старик, а я тебе завидую, – Аркадий поддел на ложечку клубничное варенье и отправил его в рот со словами: – Чудное варенье! Просто обалденное! Хозяйка, наверное, готовила? А, Светочка?

Жена зарумянилась и хихикнула:

– Вот слышишь, Глазов! Человек и то заметил, какая я замечательная хозяйка, а ты глотаешь все, как удав, не жуя! Как будто это моя обязанность – варенье на зиму запасать, когда я и так работаю целыми днями!

– Как же так? – посочувствовал Аркадий. – Женщин, старик, беречь надо. Особенно таких, как твоя жена. Красавица, умница, да еще и готовит замечательно!

Глазов почувствовал, что его затошнило. Ну горазд врать! Светлана красавицей не была: маленькая, очень уж худая шатенка с претензиями на оригинальность, и только. Одевается ярко, это верно. Но лицо обычное, фигурка так себе. Не модель. И готовила она скверно, особенно первое. Всегда торопилась, хотела поскорее отделаться и никогда не доваривала ни мясо, ни овощи. Все полусырое.

В варенье тоже не было ничего особенного: жидкий сироп, в котором клубничина гонялась за клубничной. Но на самом деле лезть – твердая валюта. Чего только нельзя на нее купить! Дмитрий хотел было одернуть Аркадия, но вспомнил, что не так давно с удовольствием слушал из уст приятеля дифирамбы в свой адрес. Глазов глотнул раскаленного чаю и, обжегшись, почувствовал, как раздражение сменила боль. Ему должно быть приятно, что Мельников говорит жене комплименты. Но отчего-то было неприятно. Глазов боялся доискиваться причины, хотя ответ напрашивался сам собой: Светлана ему безразлична, раз он видит ее недостатки, раз комплименты в ее адрес раздражают и воспринимаются как откровенная ложь. А Мельников уже открывал бутылку водки:

– Давайте выпьем по маленькой. За красивых женщин.

– Не хочу, – буркнул Дмитрий.

– Старик, ты не прав. Ну за хозяйку дома просто грех не выпить!

Светлана посмотрела на мужа со злостью. Дмитрий не выдержал и подставил рюмку.

– Почему ты не женился? – спросил он.

– Да вот, не встретил такую, – Мельников все подмигивал Свете. – На самом деле, старик, кто я по сравнению тобой? Ни жены у меня, ни свободы. Работаю как каторжный, чтобы закрепиться на новом месте. Ну, выпьем!

Глазов, подчинясь давлению, с отвращением выпил рюмку водки. А Мельников так же жизнерадостно продолжил:

– Думаешь, я удовольствие от своей работы получаю? Это ты у нас энтузиаст. Сыщиком родиться надо.

Глазов даже поперхнулся:

– Зачем же ты опером стал?

– Карьера, старик, карьера. Сегодня на Петровке, в шестерках, а там, глядишь, дорасту до кого-нибудь. Начальником буду! Во! – Аркаша поднял вверх указательный палец. Мне, мол, туда, наверх! Кто бы сомневался!

– Вот видишь, Дима, как рассуждают умные люди! – тут же влезла Светлана. – Я тоже упираюсь день и ночь. Ни выходных, ни проходных. Даже ребенка не завожу, пока не будет уверенности в завтрашнем дне.

– Не завожу... Что это тебе, собачка? – обиделся Глазов.

– Жена твоя правильно рассуждает, – тут же заступился Аркадий. – А перед тобой, Дима, сейчас такие возможности! У тебя же высшее юридическое образование! Подсуетись, найди себе не пыльную работенку, гребни денежки да спи спокойно по ночам. Мне сегодня в первый рабочий день в новой должности пришлось нахлебаться! Прислали какую-то психопатку. Муж

у нее разбился год назад на крутой тачке. Гнал, небось, как ненормальный. Все они, крутые, так. Дорога скользкая, дождь прошел. Когда скорость под двести километров, машина уже неуправляема. А там обрыв не маленький, знак «неровная дорога», да еще дождь прошел. Дело тогда же и закрыли, год назад. А теперь эта дамочка насмотрелась американских боевиков и позвонила в милицию. Мол, в Америке сняли про нее фильм, и оказывается, что мужа убил какой-то маньяк, испортив тормоза в его машине. Сначала она пришла в районное отделение, а потом и на Петровку заявила. Ну просто мегера!

– А что за фильм? – машинально спросил Глазов.

– Сегодня утром показывали по кабельному. Дамочка требовала найти этого американского режиссера. Андре Никольски, что ли.

Глазов сразу же вспомнил. И фильм, и другую историю трехлетней давности, которая произошла с ним самим. Дмитрий тогда был еще совсем зеленым, не обтерся как следует, людей слушал внимательно и верил всем. Отказы писать не умел, хотя коллеги ему советовали. Пришла к нему одна женщина. Плакала долго, и Дмитрий очень ее жалел. Женщина была чем-то похожа на его мать. Дмитрий представил, как она бредет с тяжелыми сумками, несет с рынка продукты. С теми же сумками едет в метро и высматривает свободное место. Потом быстро подхватывает вещи, опускается на сиденье, и в ее взгляде короткое женское счастье: села. Глазов никогда не дожидался этого взгляда и уступал место женщинам сразу. Это могла быть его мать. И его мать тоже могла долго и нудно рассказывать о своем замечательном сыне: каким он был маленьким, как ел манную кашку, ходил в детский садик и приносил двойки из школы. Поэтому Глазов терпел, хотя, по логике вещей, от посетительницы надо было избавляться. Говорила она полную чушь.

У этой женщины убили единственного сына около года назад. Застрелили где-то в подмосковном лесу, когда он с друзьями поехал на дачу к знакомой девушке. Убийцу так и не нашли, и женщина долго пеняла на это Глазову, а тому было ужасно стыдно. Он дело поднял и вспомнил, что за десять месяцев до своей смерти парень изнасиловал свою же одноклассницу. Пришел к ней домой пьяным, родители были на даче. Когда они на следующий день приехали домой, то обнаружили свою дочь с синяками по всему телу и в состоянии шока. Дочку тут же отвели в милицию, написали заявление об изнасиловании, а парень стал утверждать, что это она его соблазнила. И женщина, которая теперь пришла к Глазову с жалобой, была лицом весьма влиятельным в той сфере, где работала. И по инстанциям она ходила вовсе не с жалобой, а с конвертами, полными денег. И добилась того, что сыну дали срок небольшой, да и то условно. Семнадцатилетней девушке пришлось родить, потому что аборт врачи ей делать запретили под угрозой того, что она вообще потом не сможет иметь детей. А парень ходил гоголем и балдел от собственной безнаказанности. Именно поэтому его убийцу искали без особого энтузиазма, а потом и вовсе закрыли дело. У всех членов семейства изнасилованной девушки было железное алиби: денег им на жизнь хватало с трудом, не то что на киллера.

Симпатии к несчастной матери у Глазова поубавилось, тем более что он услышал от нее совершенно невероятную историю. После долгих и нудных жалоб женщина попросила Дмитрия найти и привлечь к ответственности американского режиссера! Якобы накануне посмотрела она фильм, в сюжете которого узнала историю своего сына и несчастной девушки. Даже имена были похожи, и артисты похожи, и все так трогательно, что хотелось плакать. А главное, в фильме была та самая правда, за сокрытие которой было заплачено столько денег. У потерпевшей стороны таких денег не было, и мать девушки стала искать справедливости не у закона, а в другом месте, написав какое-то письмо и опустив его в почтовый ящик. Теперь женщина просила, чтобы Глазов нашел того человека, которому было адресовано письмо. Якобы он и есть убийца ее сына, а режиссер – сообщник и клеветник. Дмитрий нашел фильм и честно его просмотрел. Главная неувязка оказалась в том, что фильм был американский. Убитого парня

звали Иваном, там был Ив. Ну и что? Глазов подумал то же, что и все: на почве нервного расстройства у женщины разыгралось воображение.

У Дмитрия было тогда смутное ощущение, что он что-то пропустил. Что-то очень важное. Но на ощущениях дело не построишь. Разумеется, на ее заявление он написал отказ. Женщину поместили в психиатрическую больницу, лечиться от маниакального бреда. Глазов отправился ловить реального преступника, а не маньяка, существование которого надо было еще доказать.

Теперь он вспомнил то, что тогда так взволновало. Тогда и сегодня поутру. И Мельников оказался кстати с похожим рассказом, и фильм, который Дмитрий сегодня смотрел. Конечно, это была музыка. Френк Дюваль, «Слезы». Слезы эти еще тогда запали Глазову в душу. Через весь фильм проходила тема чьей-то глубокой тоски. И так органично вплеталась в действие. Так же и в книге, прочитанной накануне Глазовым, была разложена по нотам чья-то смерть, а сегодня утром черная машина летела в кювет под нежные звуки флейты. Вещь невероятная, но, похоже, маньяк существовал на самом деле! Как он попал на экран, зачем? Кто его придумал? Глазов словно оцепенел. Из этого состояния его вывел Аркадий:

– Эй, старик! Ты чего?

Он спросил у жены:

– Слушай, Светик, а тот писатель действительно умер?

– Какой писатель? – не поняла та. – При чем здесь писатель?

– Ну тот, со странным псевдонимом. Аким Шевалье.

– Между прочим, это не псевдоним. Все думают, что псевдоним, только он на самом деле был Аким Шевалье. Настоящий. Я даже видела, как его хоронили. Мы с подружками учились на первом курсе, и все стены в общежитии исписали его цитатами. Он был очень популярен. Просто очень! А сейчас классик. Книги его переиздаются. Раньше были в мягком переплете, а теперь я купила в твердом. Мне очень нравится! А когда он разбился на машине, его хоронила вся Москва. Гроб несли прямо по цветам. Только он обгорел сильно, и гроб не открывали.

– А может, потому и не открывали, что никакого писателя там не было? – спросил Дмитрий.

– Его жена опознала, умник! – разозлилась Светлана. – И свидетели были, что он в машину сел. И как сама машина горела, видели несколько человек. А в ней был именно писатель. Кто ж еще? Ох и плакала я тогда! Мы с подружками читали Шевалье запоем. У него удивительный талант. Хотя в его творчестве много сюрреализма, – добавила она гордо.

– Ты еще и литературой увлекаешься? – тут же влез Аркадий. – Какая умница, а, Дима? А я вот, признаться, кроме «Трех мушкетеров» ничего не читал. И что ты, Димка, вдруг про этого писателя заговорил? Я тебе про свою работу, а ты каких-то покойников вспоминаешь. Тебе неинтересно?

– И как зовут ту женщину, что к тебе приходила?

– Психопатку? Юлия Шумова. Была такая фирма, «ППШ», которая за год развалилась.

– Чего-чего? Как называлась? – Глазов подумал, что ослышался.

– «ППШ». Петр Петрович Шумов. Ха-ха! А ты-то что подумал? Да, Шумов своих конкурентов расстреливал, как пистолет-пулемет! В упор. Родственнички-то полагали, что протянут без Шумова, а их те же конкуренты мигом скрутили в бараний рог. Все было завязано на этом Петре Петровиче. Это был танк, а не мужик, пер так, что деревья под ним трескали.

– И что ты решил с его женой?

– Отправил воздухом подышать. Хотя бабенка денежная, и на лицо приятная. Не такая, конечно, как твоя красавица жена, да и годочков ей хорошо за тридцать, – и Мельников снова подмигнул Светлане. – Но знаешь, Дима, работа есть работа. Вот ты мне что скажешь? Где копать? Она же баба настырная. До большого начальства дойдет. Она уже сколько кордонов

миновала! А прорвалась! Разумеется, ее «на новенького» спихнули. То есть на меня. В психушку ее упрятать? А?

Дмитрий понял все. Мельников спланировал свою жизнь четко: он начальник, у которого должна быть рабочая лошадь. Аркаше надо выслужиться, потом перетащить к себе Глазова, как талантливое приложение к собственной пробиваемости. Но сначала надо выслужиться. Мельников так и будет крутиться рядом, стараясь стать другом семьи. Он начнет с комплиментов жене, потом, скорее всего, предложит денег в долг, потом поможет с работой. И никуда ты не денешься от его заботы. Он, Дмитрий Глазов, нужен Мельникову.

И в глубине души, под толстым слоем обиды и раздражения, осело: а почему бы и нет? Мельников пробивной, а он, Глазов, смекалистый. Неплохой тандем.

– Дай мне ее адрес и телефон. Я с ней поговорю, – сказал он.

– Нет, серьезно? Убедишь ее заявление забрать? Слушай, я тебе буду страшно признателен, старик. Ну просто жутко признателен. Гринько я сам позвоню. Записывай.

Дмитрий черкнул у себя в блокноте адрес Юлии Шумовой. Он должен был поговорить с ней. Если у женщины есть деньги, то почему бы не взяться за ее дело? Все равно с Петровки ее погонят. А она, похоже, справедливости жаждет. Открывать свою частную сыскную контору – вещь хлопотная. Налогами задавят, бумаги всякие заставят писать. И надо иметь порядочный стартовый капитал. Возни много. Зачем все это, если можно просто предложить свои услуги и попросить скромное вознаграждение? Месяца два можно перекантоваться.

Что касается порядочности... Глазов же не виноват, что Аркадий Мельников не читает книг и не любит психологические триллеры. Хорошо, когда к делу прилагаются факты, а не ощущения. Флейту на суде можно предъявить, а то, что на ней исполняется, вряд ли.

И были еще смутные мысли насчет таинственного убийцы. В душе Глазов ему даже завидовал. Этаким граф Монте-Кристо в современном варианте. Только граф за себя мстил, а этот за человечество. Обиженные к нему взывают, и он несется на помощь. А потом снимает об этом фильм. Не бескорыстно, значит. Неплохо с этого имеет. Было очевидно, что убийца живет за границей, что он богатый и пользуется известностью в определенных кругах. Это были деньги. Работа не хуже любой другой. Глазов решил поэксплуатировать себя самостоятельно, а не отдаваться так сразу Мельникову. На ошибках учатся. Хватит ходить в коротких штанишках.

Мельников ушел в двенадцатом часу. Дмитрий добросовестно помыл посуду, поскольку жене завтра на работу, а ему нет. Пока он это делал, Светлана смывала косметику и накручивала волосы на бигуди. Потом она исчезла в комнате, и Глазов прокрался туда же спустя полчаса, полагая, что жена уже спит. Обычно тем оно все и заканчивалось. Но сегодня Света не спала, а была взволнована и побрызгала свои бигуди дорогой туалетной водой.

– Не спишь? – на всякий случай спросил Дмитрий.

– Слушай, Дима, я очень красивая?

Он отвел глаза от смешных рожков у нее на голове и буркнул:

– Разве любят за это? Спи.

– Ну почему ты такой зануда? И как это у тебя могут быть такие хорошие друзья, как Аркадий?

– Рядом с хорошим человеком и сволочь кажется порядочной, – не выдержал Глазов.

– Ты завидуешь. Он все делает правильно, а ты нет. Извини, Глазов, но ты – зануда.

– Согласен. Теперь я могу спать?

– У меня что-то сон пропал, – Светлана потянулась к Глазову губами, и он почувствовал запах крема.

– Пить надо меньше, – буркнул Глазов и вытер рот. – Водку зачем с Аркашкой пила? А теперь лезешь.

– Я чуть-чуть. Расслабиться. С ним поболтать приятно. Странно, что он еще не женат.

– Разборчивый слишком.

– Это хорошо, – она зевнула. Потом сказала: – Ну?
– Что ну?
– Любовь у нас будет? Я жду!
– Мажешься на ночь всякой дрянью, а потом любви хочешь, – разозлился он.
– Ну, знаешь! – не выдержала Светлана. – В конце концов, я тебя кормлю!
– Нет, это уже полное свинство! Как будто ты не видишь, что я и так мучаюсь! Вместо того, чтобы пожалеть, ты еще добиваешь! С Мельниковым целуйся!

Глазов взял подушку и ушел в кухню, на раскладушку. Ссора с женой укрепила его в принятом решении: достать большие деньги и швырнуть ей в лицо. «И с чего это ее так развезло?» – подумал Дмитрий, засыпая.

Прежде чем идти к Шумовой, Дмитрий решил убедиться в правильности своих ощущений, хотя ощущения – вещь нематериальная. На следующий день он проснулся с мыслью о том, что теперь у него есть дело. Работа и душевная тоска – вещи несовместные. Глазову надо было срочно достать те два фильма, снятые Андре Никольски, с которыми он уже сталкивался, и попытаться найти еще хоть один неизвестный ему фильм. Пока Глазов видел их только два. Но, судя по сюжету и времени показа, это были фильмы малобюджетные и не кассовые. Так называемое кино не для всех. Душевные терзания, психологические изыскания, долгие нраво-учительные рассуждения о том, что хорошо, а что плохо... Словом, тоска.

Что тут поделаешь? Писатель Аким Шевалье был гораздо талантливее и удачливее, чем режиссер Андре Никольски. Пятьдесят процентов кинематографа держится на сюжете о Золушке, остальные пятьдесят составляет история графа Монте-Кристо. Все свое творчество Андре Никольски посвятил второму. Он честно выжимал из последних пятидесяти процентов все возможное. Создал образ героя-мстителя, человека бескорыстного и провозгласившего себя Судьей и Вершителем Судеб. В последнем Глазов убедился, найдя еще два фильма американского режиссера. Похоже, это было все, что снял Никольски.

Первым делом Глазов все их просмотрел, убив на это целый день. Историю друга-предателя и повесть о несовершеннолетней девушке, родившей ребенка, он уже видел раньше. Третий фильм Глазову не понравился совершенно. Это была история врача-убийцы. Семья эмигрантов, состоящая из отца, его двадцатипятилетней дочери и ее маленького ребенка, едва сводит концы с концами. И вдруг у единственного кормильца семьи случается приступ аппендицита. В больницу его кладут, но врач ждет денег за операцию и оттягивает ее, как только может. Но денег дочь найти не в состоянии. Медицина в Америке дорогая, а бедным эмигрантам лучше вообще не болеть, поскольку страховки у них нет и средств на лечение тоже. Кончается тем, что отец умирает, а женщина с маленьким ребенком оказывается на улице. И она вынуждена себя продавать, чтобы заработать хоть какие-то деньги. И то же письмо, адресованное неизвестному мстителю. Врача в итоге находят мертвым в собственном гараже, где он задохнулся от выхлопных газов.

Дмитрий сразу не мог понять, чем ему этот фильм неприятен. Он просто не получился, и все. Музыка, использованная в картине, была Глазову незнакома. Пожалуй, чересчур слащавая для такого злого сюжета. Солирует флейта, но порою ее заглушает оркестр. Глазов уже понял, что флейта – любимый музыкальный инструмент Андре Никольски. Но... Здесь надо было негодовать, а режиссер умилялся. Он с такой слащавостью снимал бедную маленькую девочку, несчастного ребенка, которого мать выставила на улицу, чтобы принять очередного клиента, что Глазову стало противно. То, что происходило в больницах России, на самом деле было гораздо хуже. Дмитрий сам недавно столкнулся с бесплатной медициной, когда жена удаляла пресловутый аппендицит. В больнице, по месту прописки, запросили столько, что они предпочли платную клинику. Глазов так и не понял, зачем его жене выдали страховой полис, а когда возмутился, ему вежливо объяснили, почему надо за операцию заплатить. Хотите нормаль-

ного отношения – платите деньги, не хотите платить, значит, вам плевать на свое здоровье. Слава богу, что Светлана недотянула до того момента, когда дело могло закончиться печально. Правда, долго потом возмущалась, что уплыли сбережения, отложенные на летний отдых. Нет, фильм Дмитрию не понравился. Какое, к черту, торжество жизни, когда медицина убивает? А как же клятва Гиппократы?

Он расслабился только на четвертом фильме. Типичная история альфонса, который эксплуатирует богатую дамочку, делясь деньгами с молодой любовницей. И музыкальная тема хороша: «Танцор за деньги», поет великая Тина Тернер. Мужчина, конечно, ни с кем не танцует, занимается бизнесом, пытаясь за счет своей пассивности сделать карьеру. И сволочью его назвать трудно, пока он не заставляет свою богачку сделать аборт, наврав с три короба о своей неизлечимой наследственной болезни. Богачка в итоге разоряется, и происходит душераздирающая сцена ее объяснения с молодым карьеристом. Пожалуй, самое удачное из всего, что снял этот Никольски. Есть надрыв, особенно там, где голос певицы внезапно хрипит и обрывается, не выдержав напряжения и высоких нот. И сама героиня фильма уже ни во что не верит. Над ней смеется молодая, смазливая любовница предприимчивого красавца, и хочется непременно убить их обоих. Таинственный мститель убивает только мужчину. Он – человек гуманный. Не воюет с женщинами, любит детей. Глазов заинтересовался им еще больше. Откуда он взялся?

В целом же фильмы показались Дмитрию средненькими. Ни плохие, ни хорошие. До вершин кинематографа им мешала дотянуть слишком уж явная простота. Белое в них было белым, а черное черным. И что называть типично американским хеппи-эндом? Порок наказан, добродетель торжествует? Ценой чего? Другой жизни? Сомнительно. Нет, он не стал поклонником Андре Никольски. В отличие от писателя Акима Шевалье.

Единственное, в чем режиссер был на высоте, так это в работе с музыкальным оформлением. Он чувствовал музыку, как другие чувствуют боль, порою достигая в кульминации наивысшего наслаждения. Именно на этом чутье и поймал его Глазов. Никольски не только понимал музыку, но и умел это донести до зрителя, ни капли не расплескав. Если уж он использовал в работе чью-то музыку, то выжимал из нее все, что возможно.

Сделав пометки в своем блокноте, Глазов решил, что пора нанести визит Юлии Шумовой. Звонил он ей долго, и уже отчаялся дозвониться, когда трубку наконец сняли.

– Вас слушают, – вяло сказала женщина.

– Здравствуйте. С Юлией Шумовой я могу поговорить?

– Слушаю.

Женщина оказалась необщительной. Чувствовалось, что она напряжена и поскорее хочет отделаться от собеседника.

– Вы недавно обращались в милицию с заявлением.

– Да, – сразу насторожилась она.

– Я знаю, в чем его суть. Знаю также, что вам не поверили.

– Послушайте, что вам надо? У меня просто был нервный срыв, депрессия. Это бывает. Сейчас я спокойна. Сама понимаю, что сделала глупость. Я от каждого шороха вздрагиваю, а тут посмотреть с утра историю, похожую на... – Она судорожно всхлипнула.

– Я могу доказать, что это ваша история. Вернее, точно доказать не могу ничего, но человек, который убил вашего мужа, существует.

– Но за что? За что убил?

– Это долго объяснять. Я к вам приду и расскажу.

– Нет, не надо. Я заберу заявление.

– Да вы что, за смерть мужа не хотите отомстить?! – деньги уплывали из рук, ему пришлось атаковать.

– Не хочу. Уже прошло. Не знаю, что это было. Но мне уже легче. Послушайте, у вас есть эта кассета?

– Да, есть.

Пауза, вздох.

– Я не выхожу из дому. Это болезнь, я знаю. Людей боюсь. Открытого пространства боюсь. Принесите мне кассету. Не трудно?

– Принесу, – пообещал Глазов.

– Тогда я вас жду.

Шумова подробно объяснила, как найти ее загородный дом, и повесила трубку. Глазов вздохнул. С дамочкой получился прокол. Какая-то вялая дамочка, без энтузиазма. А Мельников ее еще ведьмой назвал, и психопаткой. Вчера, значит, психопатка, а сегодня ей на все наплевать. Странно. Но если она могла за ночь переменить решение, это значит, что, проснувшись завтра утром, она запросто может склониться и в другую сторону. И Глазов решил поехать к Юлии Шумовой завтра, а сегодня еще раз посмотреть некоторые моменты фильмов, снятых Андре Никольски.

Анданте (Не торопясь, спокойно)

На всякий случай Дмитрий взял с собой все кассеты. Он был молод, он был тщеславен. Ах, меня уволили с работы! А я посмотрите что могу! Взгляните, что знаю! Ему не терпелось поделиться с кем-то своим открытием. Он знал теперь факты, которые для многих газетчиков стали бы сенсацией. Глазов понял это, почитав во время завтрака разделы светской хроники. Светлана любила покупать яркие журналы с цветными фотографиями знаменитостей, и растрепанная пачка подобных изданий всегда валялась в кухне на табуретке. Раньше Глазов внимания на нее не обращал, но теперь некоторые заметки просмотрел внимательно.

Пару раз он даже усмехнулся. Вот глупые журналисты, раскапывают какую-то ерунду: у кого каких размеров в доме ванна, кто пьет томатный сок, а кто по утрам водку, кто спит один, а кто с плюшевым медвежонком. А здесь криминальная история! Несколько трупов! Откуда такие сюжеты у режиссера, который живет и творит в Америке? Кто их ему поставляет? Между прочим, как обратил вчера внимание Глазов, Андре Никольски во всех случаях выступал и как режиссер, и как сценарист. Не означает ли это его тождество с писателем, который и в живых-то давно не числится? А ведь Аким Шевалье классик. Жена недавно сказала.

Глазов находился в состоянии лихорадочного возбуждения, когда отыскал наконец загородный дом Юлии Шумовой. Машины у него не было, пришлось добираться тремя видами транспорта. Но ему было не привыкать. Вдова жила за городом, километрах в пятидесяти от столицы по южному направлению. Сначала Глазов подумал, что у нее здесь дача, но, присмотревшись, понял, что Шумова живет в поселке и зимой. Возле добротного кирпичного строения дрова были сложены аккуратной поленницей, все вокруг носило следы ежедневного, неспешного труда. На балкончике пристроилась зеленая тарелка: спутниковая антенна.

Сама хозяйка, услышав, как стучат в калитку, появилась на крыльце, одетая в старые тренировочные штаны с вытянутыми коленками и вязаную кофту. Глазов поначалу принял ее за старуху. Она с опаской щурилась на солнечный свет, все время морщилась, отчего лоб ее напоминал гармошку. Глазов подумал, что Аркадий ошибся. Хорошо за тридцать? Да ей все пятьдесят! На лицо приятная? Да по сравнению с ней Светка действительно красавица!

– Здравствуйте! – крикнул Глазов через забор. Потому что на участке раздавался залистый лай.

– Альфа, на место! Фу!

Конечно, одной, без охраны здесь было нельзя. Немецкая овчарка бегала по двору, беснуясь от запаха незнакомца. Шумова взяла ее одной рукой за ошейник, оттащила от калитки.

– Проходите. Не бойтесь, собака старая. Она не кусается.

Глазов с опаской нырнул в калитку и поспешно пробежал в дом. Он с детства не любил собак, а если уж честно, то просто их боялся. В детстве его напугала огромная овчарка, и несколько лет он заикался. Его дразнили, он кидался в драку. Словом все это было отвратительно. И овчарка тоже. Отвратительна!

На веранде он подождал хозяйку. Овчарка до веранды не допускалась, осталась внизу, примолкла, приглядываясь к гостю. «Да невкусный я! Ядовитый!» – хотелось сказать ему. Вместо этого Глазов сделал вид, что никакой овчарки не существует. Сел в плетеное кресло и прикрыл глаза. «А за городом сейчас хорошо...» Был теплый весенний день. Сидеть в доме в такую погоду Глазову не хотелось. Шумовой, видимо, тоже, потому что они остались на веранде. Женщина опустила в плетеное кресло напротив. Дмитрий открыл глаза и присмотрелся к ней внимательнее.

Нет, она не старуха. Да, она старше его. Настолько, что Дмитрий даже не стал это высчитывать. Больше, чем на пять, а дальше какая разница? Дальше между мужчиной и женщиной уже целая эпоха: они в юности танцевали на дискотеках под разную музыку, по-разному и в

разной одежде, читали разные книги, ведь мода меняется так быстро! У него сердце сладко замирает при звуках группы «Модерн токинг», под которую крутил первую школьную любовь, а у нее от чего? Какие-нибудь «Арабески», воспринимаемые им как старье? Эпоха древностей – вот что такое ее юность. У нее другие представления обо всем. Следовательно, к этой женщине только почтение. Да и к женщине ли? Есть хорошее слово: клиентка.

Но тайком он на клиентку посматривал. В женщине чувствовалась порода. Люди, жившие когда-то в роскоши, навечно пропитываются золотой пылью. Ничто не может убить воспоминания, даже нищета. Юлия Шумова красавицей не была, и одета была безобразно, но Глазов смотрел в ее глаза с непонятной тоской. Она ездила на «Мерседесах» и наверняка побывала везде. В местах, о которых он может только грезить. Она была женой очень богатого человека. Приемы, банкеты, номера дорогих отелей... На этих плечах лежал роскошный мех, на тонких длинных пальцах и в маленьких ушах сверкали бриллианты...

А глаза у нее необычные. Очень уж светлые, серые, почти жемчужные, при темных волосах и угольно-черных ресницах. Добавить в них яркости и капельку синевы, и Юлия была бы очень интересной женщиной. А так выглядела блеклой. Глазов попытался представить ее при полном макияже и... не смог. Они были затянуты серой дымкой, ее глаза. Туманом, за которым он не смог ничего угадать.

«И все-таки, сколько же ей лет? А спросить, обидится?»

– Я звонил вам... – со вздохом сказал он и тут же себя одернул. «Звучит как начало любовного романа. Что у нас может быть общего? Ничего! И уж конечно, никакого романа!»

Юлия Шумова словно прочитала его мысли и усмехнулась. Все-таки эти зрелые женщины очень опасны. Ты еще только подумал, а она уже все знает! И продолжение зависит только от нее, по праву первого хода:

– Извините, – сказала хозяйка. – Я стала немного странной с тех пор, как живу одна.

– Вы что-то говорили про боязнь людей... – он почувствовал, что заикается. Фразы получались деревянные. Из-за собаки? Из-за собаки!

– Вы привезли кассету? – спросила она.

– Как мне вас называть? – решился, наконец, Глазов. – Юлией или по отчеству?

– Хотите знать, сколько мне лет? Тридцать пять, так что решайте сами.

«А выглядит старше...» – машинально отметил он и сказал:

– Тогда по отчеству. Мне двадцать восемь.

И тут случилось неожиданное. Она вдруг закрыла лицо ладонями и заплакала устало, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Старуха, совсем старуха... Жизнь кончена, потому что страшно...

Глазов растерялся. Что делать? Бежать за водой? И почему она ревет? Потому что ему двадцать восемь, а ей тридцать пять?

– Ну не надо так расстраиваться, – виновато сказал он. – И вовсе это не много. Тридцать пять. Нашли из-за чего плакать!

И тут же понял, что сказал глупость. Это из-за собаки. Определенно. Собаки его пугают.

– Боже мой... – всхлипнула Юлия. – Если бы все это вдруг кончилось... Страшно...

– Кого вы боитесь?

– Людей. Я же сказала, что боюсь людей.

– Вас кто-то обидел?

– Давайте кассету, – Юлия вдруг перестала плакать и стала вытирать лицо.

– Послушайте, я помочь вам хочу. Конечно, мужа вашего не вернешь... – Это прозвучало еще глупее. В таких случаях было два варианта: говорить банальные слова сочувствия или молчать. И Глазов замолчал. Они сидели на террасе безмолвно, и Дмитрий искал повод, чтобы уйти.

– Чаю хотите? – спросила она.

- Зачем вам этот фильм? – поинтересовался Дмитрий вместо ответа на вопрос.
- Я хочу убедиться, что ошиблась. Что у меня просто-напросто нервное расстройство.
- На самом деле это вполне может быть правдой. Если бы вы посмотрели другие фильмы, то увидели бы в них сходство. В образе героя-мстителя.
- Какого героя?
- Человека, которого я хочу найти. Он совершил по крайней мере четыре убийства. Во имя справедливости, конечно.
- Но ведь он прав.
- Как это?
- Так вы хотите чаю?
- А, давайте!

Вскоре она накрыла на стол. Они сидели на веранде, пили чай, разговор стал неспешным, плавным. Юлия Шумова разговорилась. И даже разоткровенничалась:

– ...Петя был жестоким человеком. Знаете, бывает и такой вид жестокости: от чрезмерной занятости. Это когда кто-то перекладывает свои человеческие обязанности на других. Мол, я для вас деньги зарабатываю, а вы уж как-нибудь сами. Любите за меня, жалеете за меня, извиняйтесь за меня. А мне некогда. Ведь это так просто! Не хочешь быть внимательным к человеку, с которым живешь, можно сказать, что заработался и забыл поздравить с днем рождения, не встретить в аэропорту или просто не улыбнуться, придя с работы: «Здравствуй». Что касается фильма... Петя никогда никого не увольнял. За него это делали другие люди. Которых он для этого нанимал. А заступиться, если уволили не того... Извини, друг, я просто забыл. Или сделал вид, что забыл. Очень удобно, кстати. И про Мишу он вроде бы забыл. И был наказан.

- Значит, во имя справедливости можно убивать?
- Да что вы про это знаете? Я сама сейчас в таком состоянии... От самоубийства меня спасает только желание пережить своих врагов. И я готова сократить этот срок. Уничтожив врагов.
- Я тоже, – неожиданно для себя сказал Глазов. – То есть не уничтожить. Увидеть, как им будет плохо. Только я себе дело нашел, и вы найдите. Посмотрите эти кассеты. Мне надо с кем-то поговорить. Может, я и не прав. А варенье у вас вкусное.

Вот тут он не лукавил. Это варенье было гораздо вкуснее, чем то, что находилось в банках, заполнивших его кладовку. Должно быть, у Юлии просто было больше времени, чем у его жены. И вдруг он с тоской подумал: «Тридцать пять... Но это же так много!» Почему он это подумал? Определенно из-за собаки.

- Еще положить? – спросила Юлия.
  - Нет, я пойду. Спасибо за чай. Позвоните мне, когда все посмотрите.
  - Хорошо. Давайте номер телефона.
- Она записала номер, взяла у Дмитрия кассеты. Потом, провожая его, спросила наконец:
- А как вас все-таки зовут? Стыдно сказать, но спросить я забыла. Два часа просидели на веранде, а я к вам никак не обращалась.

Он улыбнулся. Боится людей, а целых два часа просидела на веранде с незнакомым человеком, даже имени его не спросив!

- Дмитрий. Дмитрий Глазов.
  - Митя? Вы мальчик еще. Я вас так и буду звать: Митей.
- Глазов, конечно, так не считал. Что он мальчик. Какой же он мальчик? Детина огого! Роста, конечно, невысокого, но зато плечищи! А ручищи? Мальчик! Тоже мне! Мамаша нашлась! И Митей никто его раньше не называл. А ведь и правда, родился-то он в деревне, и Юлия словно почувствовала в нем эту сельскую основательность. Митя? Может быть.

Он с опаской подождал, пока Юлия подержит за ошейник свою зверюгу. Альфа рыкнула на Глазова и на всякий случай его запомнила. Как человека, который может прийти еще неоднократно. Он это почувствовал.

Дмитрий ожидал, что Шумова позвонит ему на следующий же день. Ну сколько нужно времени, чтобы просмотреть четыре кассеты? Тем более что делать женщине нечего, ни мужа, ни детей, следовательно, заботы только о себе и об этой отвратительной собаке. Хочешь – копайся в клумбах или газоны подстригай, не хочешь – не копайся, не подстригай, слова никто не скажет. Но прошла неделя, а она не звонила.

Все это время Глазов запоем читал Акима Шевалье. Несмотря на это, со Светланой они поругались окончательно. Так же, как и во взглядах на жизнь, разошлись и во мнениях относительно творчества Шевалье. Глазов понял, что это приговор. Их браку. Она даже готовить перестала, явно намекая на то, что пока муж не найдет работу, еды не получит. Глазов питался бутербродами, пил кефир, и, когда не лень, жарил себе картошку, которой осталось от зимних запасов еще полмешка. Он даже радовался: наконец-то похудею! Лет до двадцати пяти у него была идеальная фигура: широкие плечи, узкие бедра и накачанный пресс. В юности он хорошо играл в футбол, по утрам делал гимнастику и баловался гантелями. А года три назад от чрезмерной занятости дело это забросил, и вот вам, пожалуйста! На талии, словно спасательный жилет, вырос жирок, мышцы на руках одрябли. Раз появилось свободное время, надо найти гантели. Почему-то следующей мыслью после гантелей была мысль о Юлии Шумовой. Или предыдущей? Нет уж, лучше думать об Акиме Шевалье!

Глазов долго думал, с чего начать. Он должен узнать об этом писателе все. Где родился, в какой семье, на ком был женат, есть ли дети. И как получилось, что его хоронили в закрытом гробу? Обгорел? Тело по частям собирали? Не исключено, что никакого Шевалье в том гробу не было, он сейчас живехонький, лежит на пляже где-нибудь на Гавайях, пьет коктейль и смотрит на залив.

А может, Аким Шевалье и в самом деле уже семь лет как в могиле? В конце концов Глазов составил для себя план действий. Через неделю он решил, что если Юлия не позвонит, то возьмет денег в долг и начнет действовать один. Без всякой помощи и советов. А материал потом продаст. Газетчикам или издательству, которое подкинет кому-нибудь интереснейший материал, и выйдет бестселлер. Ведь и в самом деле: презанимательный сюжетец! И деньги свои он вернет, да еще и в прибыли останется.

Но она все-таки позвонила. Дмитрий почувствовал перемену и в ее голосе, и в настроении. Теперь он разговаривал с женщиной, обладающей сильным характером, интеллектом, а главное, средствами. Умеющей принимать решение.

– Митя? Приезжайте ко мне сегодня. Я верну кассеты и попрошу вас об одной услуге. Договорились?

– Еду, – коротко сказал Глазов. И тут же вспомнил об овчарке. Интересно, сколько лет живут собаки? И не пора ли Альфе умереть от старости?

...Собака его мнения не разделяла. Увидев Глазова, она рыкнула и принялась лаять. Но отчаянно лаять и бросаться на него не стала. Глазов понял, что собака собирается жить долго, исправно охранять хозяйку, и друзьями они не станут никогда. В лучшем случае будут друг друга терпеть. Юлия провела Глазова уже не на террасу, а в комнату. Ее обстановка ничем не отличалась от обычной городской квартиры: дорогая импортная мебель, пушистые ковры, видеодвойка «Sony», на стенах картины. Глазов сразу подумал: мазня, но мнения вслух высказывать не стал.

Здесь было дорого, но печально. Сама хозяйка выглядела сегодня совсем иначе. Юлия привела себя в порядок, уложила волосы, подкрасилась, переоделась в джинсы и красивый дымчатый свитер. Глазов с удовольствием отметил, что у нее хорошая фигура. Грудь в нали-

чии, талия достаточно тонкая, бедра достаточно широкие. Свою жену Светлану Глазов всегда считал слишком уж тощей. Зато она своей худобой чрезмерно гордилась. И Юлию назвала бы жирной.

Дмитрий смотрел на хозяйку и понимал: это приговор. Их со Светкой недолгому браку.

– Есть хотите? – спросила его Юлия.

– Очень.

Минут через десять хозяйка пригласила его на кухню. Глазов ел суп и думал: к черту диету! А ведь есть еще и цыпленок! Даже собака не казалась ему теперь такой противной.

– Вас что, жена не кормит? – спросила Юлия, наблюдая, с каким отменным аппетитом он ест.

– Нет. То есть да. Не кормит.

– А есть она у вас?

Он с хрустом разгрыз куриную кость и кивнул: да, есть. Обручального кольца он не носил.

– Ну и зубы у вас! – не удержалась Юлия. – Должно быть, ни одной пломбы?

– Я вообще-то деревенский. У нас вода в колодце ключевая. Говорят, там кальция много. Накипь в чайнике появляется моментально, – охотно пояснил Глазов.

– А в Москву какими судьбами? Землю пахать неохота? Да? Кстати, кем вы работаете? В милиции? Или частным сыском занимаетесь?

Глазов почувствовал в ее голосе иронию и слегка надулся.

– Я еще недостаточно наелся, чтобы рассказать свою биографию. Кстати, зачем вам столько еды? Собаке, что ли?

– Собака ест специальный корм. А я... Я люблю готовить. Но не для кого. Обрадовалась, что кто-то приедет. Хорошо, что ты такой голодный. Не надо отчества, Митя. Ты ведь никак меня не называешь. И пора бы уже перейти на ты.

Она права.

– Так что ты решила? – вырвал из себя Глазов это «ты». С кровью, потому что сердце вдруг заныло. Дальше должно быть легче.

– Я решила... Зачем тебе нужен этот человек?

– Ну, во-первых, его еще найти надо. – Про деньги Глазову было стыдно говорить. В прошлый раз, со старухой, он мог бы признаться в своей меркантильности, но перед молодой и привлекательной женщиной готов был порисоваться. – Меня с работы уволили. Вернее, сам ушел. Хочу добыть интересный материал. Возможно, прославиться и доказать всем, что я не пустое место.

Она тонко усмехнулась: мальчик! И спросила:

– А где ты работал?

– В милиции. Опером, – неохотно признался он. Ведь вдова бизнесмена! Как она к этому отнесется? Шумова отнеслась спокойно.

– Вот как? Значит, ты можешь сделать так, чтобы его посадили? Связи-то остались? И в органы можно вернуться? Ведь так?

– Кого посадить? Он же в Америке теперь живет!

– Ну и что? Во всяком случае, все будут знать, что это он убил. И дело будет заведено на него. В конце концов, есть Интерпол.

– Кто это все? Кому надо знать, что он убил?

– Кому надо. Он сумасшедший?

– Есть немного. Нормальному человеку такое в голову не придет. Вернее, убить, конечно, всякий может, но чтобы фильмы про это снимать... Впрочем, все гении слегка с приветом.

– А он разве гений?

– Ну, талант. Этого не отнять. Читал всю неделю.

– Что читал? Разве он еще и пишет?

– Писал. Когда был русским. Но это придется еще доказать. А ты почему вдруг решила им заняться?

Юлия встала, подошла к книжной полке и вытащила из-за стоящих в ряд фолиантов пачку сигарет. И закурила с наслаждением. Глазову не нравились курящие женщины. Сам он курить так и не научился. Но Шумова держала сигарету весьма изящно, между двумя тонкими пальчиками, и вообще, у нее получалось красиво. Есть женщины, которым курение идет.

– От самой себя прячу, – сказала она, словно оправдываясь. – Знаю, что курящая женщина – это мерзко. Но нервы... Три дня назад убили знакомого моей хорошей подруги. – Без всякого перехода и с той же ровной интонацией. – Он опять был здесь. В России.

– Кто?

– Твой маньяк. Твой, потому что это ты его вычислил.

– С чего ты взяла, что был? – слегка растерялся Глазов.

– Тот фильм, про альфонса. Танцор за деньги. Я видела его в понедельник. Того красивого парня в фильме звали Жаном. А нашего просто Ванечкой. В школе я учила французский.

– Постой, этого не может быть! Он что, сначала снял фильм, а потом приехал и убил этого альфонса?

– Да.

– Нет, не может быть, – повторил Глазов. – Чепуха. Ты ошиблась.

– Нет, не ошиблась. Она мне все рассказала, моя подруга. О том, что написала письмо, увидев объявление в газете.

– Какое объявление?

– Этого я не знаю. Ты разве невнимательно смотрел? Там в каждом эпизоде с письмом фигурирует газета. Кто-то предлагает людям свою помощь.

– Тогда все элементарно просто. Мы сейчас едем к твоей подруге и добиваемся от нее адреса, по которому она отправила письмо. А лучше изымаем саму газету. С объявлением. И он наш!

– Не получится. Во-первых, никто не предаст человека, который помог, а во-вторых, моя подруга уехала к родственникам в Канаду, сегодня утром.

– Но в фильме она же разорилась?

– Вот поэтому и уехала. Дождалась, пока убьют ее бывшего любовника, и исчезла.

– А он что, действительно был такой сволочью, молодой красавчик Жан? И заставил ее аборт делать, подругу твою? Кстати, сколько ей лет?

– Мы ровесницы. В одном классе учились.

– Нет, это невозможно! Такое совпадение невозможно! Он должен избегать встречи заказчика одного убийства и родственников жертвы другого. Должен тщательно проверять все контакты, прежде чем решиться. Я уверен: ему приходят десятки писем! У нас в стране столько обиженных! Отбор проходят единицы. И вдруг такое совпадение?

– Думай что хочешь, только ты должен его найти. У тебя работы нет? Работай на меня. Я дам денег. Концерном, вернее, тем, что от него осталось, управляют родственники мужа, но мне положены проценты. У меня пакет акций. Я обеспеченная женщина.

Глазов растерялся. Он не ожидал такого поворота. Если бы не два случайных совпадения, он бы ни о чем не догадался, а тут еще появляется прототип героини третьего сюжета! Это слишком уж большая удача. Странная удача. Сюжет-то типичный! Имеется в виду история альфонса. И странное поведение Юлии Шумовой. То она в депрессии, то убийцу хочет найти. Впрочем, он это предполагал. А потому сказал:

– Ладно, я согласен.

Шумова ушла в соседнюю комнатку, через некоторое время вынесла оттуда несколько сто долларовых купюр.

– Вот. Твой аванс.

Доллары Глазов видел и раньше, но в руках жены. Ему платили в рублях. В его собственные руки зеленые купюры потом не переходили, исчезали в обменных пунктах, а потом в магазинах, по которым ходила Светлана. Она работала менеджером в сервисном центре по обслуживанию иномарок американского происхождения. Жена получала зарплату в валюте. И сама копила деньги на машину. Если бы не любовь к красивым тряпкам, давно бы на ней ездила. Но жена любила хорошо и дорого одеваться.

Дмитрий деньги взял. Вот Светка удивится! Как говорится, пора бы и честь знать. Но уходить ему не хотелось. «Может, попроситься сюда вместо овчарки? Я, по крайней мере, говорить умею. Но это единственное мое преимущество. А ей как раз оно-то и ни к чему. А вместе с собакой мы не уживемся», – грустно подумал Дмитрий и стал прощаться.

– Торопишься? У тебя дела? – невесело, в тон его мыслям, спросила Юлия. В ее взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление.

«Не может быть, – подумал он. – Не хочет, чтобы я уходил. Значит, поговорить с кем-то ей хочется. Но собака...»

Он вновь испугался, что начнет заикаться. И позорно сбежал. Юлия Шумова удерживать его не стала...

...Глазов ехал в автобусе и вспоминал историю своей женитьбы. Светлана была студенткой, а он только начинал работать в розыске. Молодой, самоуверенный болван. Показалось, что это любовь неземная, с первого взгляда, и он сразу же бухнул предложение почти незнакомой девушке, и все серьезные отношения с ней перенес на после свадьбы. Дальше поцелуев дело не зашло и, как потом выяснилось, зря. Она оказалась уже не девственницей.

Это было первое открытие. Не трагедия, ибо он сам был не девственником, но обида. Могла бы и сказать. С другой стороны, мог бы и спросить. Во-вторых, выяснилось, что у Дмитрия с женой совершенно разные интересы. И это не трагедия, потому что лучше всего уживаются в браке именно противоположности. Но это при условии, если каждая сторона ценит те качества в другой половине, которых не хватает ей самой, и стремится их перенять. Светлана же считала себя идеальной, а мужа недотепой. Ежедневно на него давила, пилила, переделывая под себя. Дмитрий, как джентльмен и настоящий мужчина, уступал. Жене не изменял, с друзьями по выходным не болтался, денег от получки не утаивал. Но все равно ничего не получалось.

«А хорошо, что у нас нет детей», – подумал он, выходя из автобуса. Это уже было предательство.

...Дома Светлана все так же смотрела телевизор. На столе стоял букет цветов.

– Откуда? – равнодушно спросил Дмитрий.

– Мужчина подарил.

– Хорошо, что не женщина. Я бы насторожился.

Ревности он не почувствовал, ибо рыльце и у самого было в пушку, а Светка, похоже, разозлилась. Он вытащил из кармана деньги и отдал жене три стодолларовые купюры со словами:

– Надеюсь, теперь меня будут хотя бы кормить.

– Глазов, откуда? – сразу встрепелась она.

– Сколько раз просил не называть меня по фамилии?!

– Ладно, ладно, Димуля, прелесть моя...

Жена зашебетала, засуетилась. Полетела на кухню, достала из заначки марочное вино. Бутылка была початой, отчего Глазов заподозрил, что Светлана тайком от него прикладывает к спиртному. Ее поведение было ему противно. Воспитывает, значит. Муж принес деньги! Все как в лучших домах! Вот ведьма!

Но вино он пил, а потом предательски спал с ней, ибо был допущен к телу. Но сегодня ему хотелось женщину, и, в конце концов, он честно это заработал. Любовь получилась парши-

вая, то есть фальшивая. Глазов чувствовал, что Светка притворяется. Спрашивается, за каким чертом ей это нужно, изображать страсть?

Этих женщин невозможно понять. И думает при этом, что самая умная! Так кто кого обманул?

...На следующий день он вплотную занялся писателем Акимом Шевалье. Пришлось навести справки через Аркашу Мельникова. Узнав, что Шумова заявление заберет, тот охотно оказал услугу и попросил о встрече. Глазов понял: не случайно. Мельников просто так ничего не делает.

Первым делом Дмитрий выяснил, где сейчас находится мать Акима Шевалье и что стало с семьей писателя. Ведь он был женат, имел ребенка. Оказалось, что его единственная дочь живет с бабушкой в хорошей трехкомнатной квартире, купленной еще при жизни писателя. Ни Маргарита Эдуардовна, ни Зочка Шевалье в деньгах не нуждались. Писателя охотно переиздавали, ибо он теперь считался классиком жанра. Да и на счету в банке после его смерти кое-что было. Кто бы сомневался! Глазов решил представиться корреспондентом. Авось повезет. Удостоверения у него теперь не было, да и не часто откровенничают с сотрудниками милиции, увы! Это он знал по горькому опыту.

Итак, «корреспондент» Дмитрий Глазов отправился на задание. Кроме мамы писателя и его тринадцатилетней дочери, в квартире находилась женщина средних лет, которая и открыла Глазову дверь. Он оценил ее как домработницу, или помощницу по хозяйству, как анонсируют нынче в газетных объявлениях подобный род услуг. «Приглашаю помощницу по хозяйству...» Матери Акима Шевалье повезло. Ее домработница выглядела достойно.

Оглядевшись в прихожей, Дмитрий представился и сказал, по какому делу пришел. Мол, собирает материал для большой газетной статьи. О нем тут же доложили, и надменная пожилая дама в платье, похожем на халат, но со старинной брошью, украсившей ворот, выплыла из большой комнаты. Она улыбалась со всей сердечностью, но Глазов неожиданно почувствовал, что мерзнет.

На даме был сиреневый парик, а на ее носу красовалась огромная бородавка. Тронув ее указательным пальцем, дама сладко пропела:

– Ах, как я рада, уважаемый, что моего сына еще помнят! Я всегда говорила ему: Аким, ты должен писать. Работать целыми днями, непременно работать, и когда-нибудь тебя оценят по достоинству и поймут. Я хочу с вами проконсультироваться, уважаемый. Дело в том, – она таинственно понизила голос, – дело в том, что я пишу книгу о своем сыне. Уже несколько лет. Воспоминания. И мне просто необходима консультация специалиста, человека, так сказать, определенного уровня начитанности. Прошу вас в зал.

Говоря все это, Маргарита Эдуардовна энергично проталкивала Глазова по длинному коридору. На стенах он увидел какие-то странные рисунки. Вихри каракуль, в которых запутались несколько нот. Фейерверки черточек и точек, разноцветные потоки краски...

– Что это? – не удержался от вопроса Дмитрий.

– Акиша рисовал музыку. Его жена складывала эти рисунки на антресоли. Я их потом нашла и сохранила. Она была ужасна.

– Кто, антресоль?

– Моя невестка. Сюда, пожалуйста.

Глазов прошел в большую комнату. По правде говоря, он так и не понял, куда попал. В квартиру? Вряд ли! Этот дом был превращен в музей Акима Шевалье. На стенах – фотографии Акима Шевалье. На полках – книги Акима Шевалье. Все издания, и прижизненные, и посмертные. Вокруг – вещи, принадлежащие покойному Акиму Шевалье. Ковер, по которому он ходил, стол, за которым работал.

– А его отец? – спросил Глазов, с осторожностью присаживаясь на краешек дивана. Не дай бог чего-нибудь задеть и разбить!

– О, его отец – потомок старинного рода, – дама опустилась в глубокое кресло. – Отсюда и наша необычная фамилия. Акишу долго уговаривали взять псевдоним. Предлагали на выбор несколько звучных имен и фамилий. Но мой сын был человеком чрезвычайно благородным. Чрезвычайно. Он настоял, и знаете...

Глазов смотрел на ее фиолетовый всклокоченный парик и почти не слышал размеренную, надменную речь. Колоритная дама! Только когда Маргарита Эдуардовна начала показывать семейные альбомы, очнулся. В прочитанных Глазовым книгах имелись фотографии писателя. Маленькие, тусклые, невзрачные. Теперь он предстал перед Дмитрием крупным планом и во весь рост. Довольно-таки приятный парень. Брюнет. А глаза светлые, на цветных фотографиях голубые. Правильное лицо. Дамочки, должно быть, это ценили.

– ...а потом выяснилось, что у него связь с другой женщиной. Первая любовь, знаете ли. Выскочила замуж за военного и уехала куда-то в тайгу.

– У кого связь, простите?

– Ну вы же спросили про отца Акима. Так мы его потом не допустили к славе.

– К чему? – Глазов подумал, что ослышался.

– К славе, – гордо повторила Маргарита Эдуардовна. – Акиша же прославился. Когда я выгнала Федора, ему было только десять лет.

– За что выгнали?

– Я узнала, что у мужа есть вторая семья. С той первой любовью, которая сбежала.

– Где семья? В тайге?

– Нет, что вы! Кто сможет жить в тайге? Она, разумеется, вскоре бросила своего офицера и вернулась к родителям, в Москву. Только это не для газеты. В книге я, конечно, обо всем подробно написала.

– Это вы его так называли: Аким?

Она поджала губы:

– Это глупая семейная традиция. Почему-то все Шевалье были либо Федорами, либо Акимами.

– Вы тоже из дворян?

– Я? – Маргарита Эдуардовна сразу замялась и зарумянилась. – Видите ли... Почти... Но это к делу не относится.

Судя по именам, Глазов скорее подумал бы, что это она родилась в семье потомственных дворян, а не человек с неблагозвучным, по ее мнению, именем Федор. Похоже, что Федор Акимович Шевалье своего происхождения не афишировал, и его сын, Аким Федорович Шевалье, тоже. Зато мать старалась за обоих.

Меж тем Маргарита Эдуардовна уже говорила о книгах сына. Речь ее была гладкой, фразы умные, грамотно построенные. Но за ними – пустота. Главное, не было Акима Шевалье. Мать просто повторяла то, что говорили ей другие, и если бы Глазов пришел с другой целью, то не удержался бы и задал несколько конкретных вопросов по содержанию. Уверен: она бы не ответила или сморозила глупость. Ничего о музыке Дмитрий не услышал и спросил сам:

– Ваш сын учился играть на каком-нибудь музыкальном инструменте?

– Конечно! Акиша замечательно играл на флейте! Я отдала его в музыкальную школу, когда ему было шесть лет...

Дмитрий уже не слушал. Флейта. Этого довольно. В сущности, ему оставалось выяснить только, как погиб писатель, и про его жену. Где она сейчас? Главное он увидел в рисунках. «Как бы выпросить один? – мелькнула мысль. – Нет, не даст. Она прекрасно знает, сколько все это стоит. За копейку удавится».

– А его жена? – осторожно спросил он. – Ваша невестка. Вы сказали «была». Где она сейчас?

– Она умерла, – спокойно ответила Маргарита Эдуардовна.

– Как это умерла? Молодая женщина? Она что, болела?

– Ее Бог наказал. Возмездие, знаете ли. Причем заслуженное. Выскочила замуж сразу после смерти сына. Ужасная женщина! Получила кучу денег за его последнюю книгу. Якобы нашла ее в компьютере, этот, как его... – она наморщилась, – файл был уничтожен. Специалист повозился и... В общем, полностью восстановили. Как же! Поверю я ей! Она же тупица! Необразованная! Акиша наверняка отдал ей рукопись перед смертью, чтобы отвезла в издательство, а она ее зажала. Чтобы все досталось ей. Видите ли, ей не нравилось, что у Акиши был собственный счет в банке и что часть гонорара он отдавал мне. Какая же это была дрянь! И как мой сын ее только терпел!

– У нее что, был любовник?

– А за кого же она потом вышла замуж, простите? Конечно, был! Ему и достались все денежки. Аким выбросил эту рукопись. Уничтожил. Значит, он так хотел. И не надо было ее публиковать. Хотя, конечно, заплатили хорошо. Я не знаю сколько, но догадываюсь. – Она даже губами причмокнула от вожделения. Потом с торжеством продолжила: – Но они не воспользовались этими деньгами! Его наследством! Не успели. То есть не в полной мере. Через полтора года после смерти Акима они с мужем ехали из казино, и их машину расстреляли бандиты. Оба погибли. Вот вам – возмездие!

Вот тут Глазов насторожился. Но Маргарита Эдуардовна о своей невестке больше говорить не хотела. Обмолвилась только, что новый муж, кроме всего прочего, был владельцем издательства, в котором публиковался сын, и сети книжных магазинов. В общем, буржуй и мафиози. Почему мафиози? Да потому что сидел! За растрату. При советской власти. И в друзьях у него были мафиози. Фамилию погибшего бизнесмена Маргарита Эдуардовна неохотно, но назвала. И тут же сделала вывод, что погиб тот в результате бандитской разборки, обычное дело. После этого Маргарита Эдуардовна всучила Глазову экземпляр своей рукописи:

– Почитайте, уважаемый, почитайте. Мы с вами делаем общее дело и должны друг другу помогать. Если у вас есть связи, вы могли бы предложить рукопись кому-нибудь из издателей. За хорошие деньги, разумеется. Я думаю, талант моего сына – это наследственное.

Но рисунок сына она Глазову, разумеется, не дала. Замялась, забормотала что-то о работах Акима, которые все должны храниться в одном месте. Но Дмитрий чувствовал, что дело тут в деньгах. Маргарита Эдуардовна ждала, что он предложит деньги. Глазов же мазню писателя покупать не собирался. Может быть, писал Аким Шевалье гениально, и на флейте тоже играл гениально, но рисовал отвратительно! Зато удалось выпросить его фотографию, причем хорошего качества. Якобы для статьи. Маргарита Эдуардовна не отказала, впрочем, оговорив для себя несколько экземпляров издания. Бесплатно, разумеется.

– А сколько лет ему было, когда он погиб? – спросил Глазов, разглядывая фотографию.

– Тридцать три. Возраст Христа.

– А выглядит моложе, – машинально заметил он. – А ваша внучка? Она где?

– Зайка сейчас в школе.

– Ах да!

Глазову не очень-то хотелось видеть Зайку Шевалье. Вдруг она окажется плохой девочкой? Детей знаменитых людей, если они не удались, надо прятать. Иначе – бездна разочарований. На прощание Глазов поинтересовался:

– А к вам никто не приходил через несколько лет после смерти сына? Ну, там, деньги не передавал? Или, может, были неожиданные посылки и переводы из-за границы?

– А почему вы спрашиваете? Вы что, нашли каких-то наших родственников? – жадно спросила мать писателя. – У мужа были родственники. Может, и за границей. Но нет. Вряд ли кто-нибудь о нас вспомнит.

– Значит, никого не было. Что ж... Я вам позвоню. Всего хорошего, Маргарита Эдуардовна.

– И вам, уважаемый. И... я жду!

Денег, понял он. Денег Маргарита Эдуардовна ждала всегда. Но каков Аким Шевалье! Неужели он не пытался увидеть родных, если остался жив? Мать и собственную дочь? Все остальное Глазов собирался узнать из рукописи, которую передала ему Маргарита Эдуардовна. Подробности биографии. Заметки матери о жизни знаменитого сына.

Вечером он долго читал рукопись, пытаясь не обращать внимания на стиль. Маргарита Эдуардовна словно стремилась доказать, что это от нее сын унаследовал литературные способности. Но – увы! Она ошибалась. Зато Глазов многое понял.

Он понял, что Аким Шевалье рос несчастным ребенком. Его не растили, а формировали. Хотелось ему этого или нет, но в процессе формирования участвовали одновременно флейта, уроки иностранного языка и секция фигурного катания. Ребенок был загружен настолько, что в душе его возник бурный протест. Он несколько раз сбежал из дома, хамил учителям и однажды выбросил на помойку новенькие коньки. Последний раз мальчик сбежал в возрасте тринадцати лет, вернулся на третьи сутки, когда его уже искали повсюду, а Маргарита Эдуардовна была близка к инфаркту. Но после этого больше не исчезал. Очевидно, на улице ему не понравилось.

Протест закончился тем, что Акиму пришлось создать свой мир, в который он убежал после того, как понял, что скрыться от материнской заботы невозможно. В его книгах все люди были чудовищами, а сам Аким – благородным рыцарем, который их побеждал. Наверное, потом ему было смешно, когда его называли писателем. Аким просто построил себе дом, чтобы там жить так же, как это делают все нормальные люди. Только сделал это в своем воображении. Стенами его дома были поля на страницах, а крыши не существовало вообще. Ибо воображение Акима Шевалье было безгранично.

Потом, когда писатель добился известности, его мнение стали уважать. Он нашел способ, которым заставил людей прислушаться к себе, и успокоился. Женился по любви, имел ребенка, квартиру, загородный дом, деньги на достойную жизнь, и был собой доволен.

Глазов понял, что исчезать Аким Шевалье не собирался. У него все было. Абсолютно все! И, судя по впечатлениям матери, Акиша был вполне доволен своей жизнью. Хотя нежное отношение сына к своей жене Маргарита Эдуардовна не понимала и осуждала. Но это уже материнская ревность. Как же! Отняли единственного сына, в которого столько вложено!

Итак, Аким Шевалье любил жену. Он любил дочь. Любил свою работу. И вдруг исчез. Что же с писателем произошло?

О последних днях сына Маргарита Эдуардовна упоминала скупно. Все, как обычно. Закончил новую книгу, купил подарки всем членам семьи, собирался отдохнуть где-нибудь за границей. Уехал в загородный дом – прийти в себя после напряженной работы. Семья писателя жила вместе с его матерью, поэтому жена, не ладившая со свекровью, выстроила на даче хорошую печь, чтобы после скандалов уезжать туда и зимой. Скандалы были столь частыми, что загородная резиденция Шевалье редко пустовала. Итак, он закончил книгу и уехал на дачу. Жена последовала за ним вместе с шестилетней Зайкой. Если при муже они со свекровью как-то ладили (особенно если он работал), то, оставшись вдвоем, немедленно затевали ссору. А писалось Акиму только в Москве. Он не мог работать, не видя людей, и ежедневно совершал обязательные прогулки по улицам города.

Как раз в ту зиму Маргарита Эдуардовна приболела и, когда почувствовала себя совсем плохо, вызвала сына к себе. По дороге домой и случилась эта автокатастрофа. Писатель, видимо, задремал за рулем и врезался в тяжело груженую встречную машину. Дорога ранним

зимним утром была пустынной, свидетелей трагедии оказалось двое: сам водитель КамАЗа и люди, ехавшие следом на «Жигулях». Глазов подумал, что хорошо было бы почитать протокол, составленный инспекторами ГАИ. Но раз никакого уголовного дела не возбудили, значит, виноватым был признан водитель иномарки, заснувший за рулем. Странно было только, что он так обгорел, особенно лицо. Возгорание машины – вещь достаточно редкая, это случается чаще всего, когда бак полон бензина. Но писатель ехал с дачи, и находился где-то на полпути к Москве. Скорее всего, Аким Шевалье нигде не заправлялся. Так откуда такое пламя? Откуда взрыв? Аким Шевалье оказался изуродованным. Просто до неузнаваемости. Маргарита Эдуардовна писала, что не смогла опознать сына. Это сделала невестка, признавшая портсигар с инициалами, который сама положила в карман мужа перед отъездом. И еще упоминала о том, что последние две ночи Аким Шевалье не спал, обдумывая какой-то очередной сюжет. Доводы вдовы показались следователю убедительными. Было признано, что Аким Федорович Шевалье погиб в результате несчастного случая.

Глазов задумался. Так-то оно так, но, похоже, Аким Шевалье жив! Единственной зацепкой был любовник вдовы. Глазов знал, что автокатастрофа – дело темное. Учитывая уголовное прошлое гражданина, тот вполне мог убрать соперника. Тогда почему же писатель остался в живых?

Глазов вздохнул и решил позвонить Мельникову на домашний телефон. Был глубокий вечер, Аркаша уже был дома, но не преминул пожаловаться на загруженность.

– А ты, старик, свободен как ветер! Завидую. Когда зайдешь? Обещал!

– А в чем проблема?

– Барахтаюсь, как муха в паутине. Влип.

– Разве Шумова заявление не забрала?

– Приходила. Как подменили дамочку. Говорит разумно, никакой истерики. Как это у тебя получается?

– Ты мне должен, старик. Не находишь?

– Слушай, Димка, я бы рад. Но есть другая проблема.

– Баш на баш, – Глазов теперь умел торговаться.

– А что, собственно, тебе нужно? – слегка насторожился Мельников.

– Сделай для меня доброе дело. Лет пять назад был расстрелян в своей машине директор издательства, владелец нескольких книжных магазинов Василий Мелешев. С женой. Фамилия его жены Шевалье. Редкая фамилия и запоминающаяся, не думаю, что женщина стала ее менять. Вдовы знаменитых писателей хотят оставаться ими вечно. Вдова знаменитости – это профессия, которой можно неплохо на жизнь зарабатывать. Так что найдешь. Да и дело было громкое. Я хотел бы узнать, чем закончилось следствие. Можно взглянуть на дело?

– С чего это вдруг? Слушай, ты не частным сыском решил подработать?

– Да. Именно.

– И много платят? – тут же поинтересовался Мельников.

– Неплохо.

– В баксах? – откровенная жадность в Аркашином голосе. Глазов усмехнулся.

– В них самых, – не стал скрывать он.

– Елки! А? Всегда говорил, что тебе везет больше, чем мне! А зачем тебе дело?

– В интересах клиента не могу сказать, – уклончиво ответил Дмитрий. – Так сделаешь?

– Старик... – задумчиво протянул Мельников. – Ты знаешь правила. Ты теперь не наш. И... Видишь ли, работы полно, – тонко намекнул он. – Глухарь, а повесили на меня, то есть на новенького. Убили парня двадцати восьми лет. Застрелили возле собственного дома. Прямо у подъезда. Я думал, быстро все раскопаю, а там полная труба.

– Когда убили? – насторожился Глазов.

– Четыре дня назад. Ну, я метнулся по горячим следам. Пусто. У него было столько баб, что сам черт ногу сломит! Типичный альфонс. Видели только машину возле дома, да и то никто толком не может сказать, какого она цвета. То ли черная, то ли темно-вишневая. Номера, конечно, никто не видел. Вроде бы женщина была за рулем. В темных очках. Брюнетка. Не удивлюсь, если на ней был парик. Выстрелила, не выходя из машины. Опустила стекло и пальнула. Потом на газ и – ищи ветра в поле! Прямо боевик! Сейчас проверяю его знакомых. Одна в Канаду слиняла, другая на курорт. Ты бы прикинул, что и как. У тебя чутье.

Глазов чуть не рассмеялся. Поистине мир тесен! Если бы его взяли на мельниковскую должность, он искал бы того же человека, что и сейчас. Только безуспешно. Потому что не имел бы той информации, которой сейчас обладает. А поторговаться стоит.

– Ладно, Мельник, – сказал он. – Ты мне – я тебе. Так, что ли?

– Ты что, старик? А дружба?

– Дружба, как и любовь, бывает и за деньги. А за большие деньги бывает большая дружба.

– Ну, ты, старик, напрасно...

– Извини. Когда встретимся?

– Приходи завтра на Петровку, я тебе пропуск выпишу. Свидетелем будешь проходить.

А это он в самую точку! Сам того не подозревая!..

...Видно, Мельникова приперло. Глазов уже понял: начинать карьеру надо с раскрытия громкого дела. Он бы и сам так поступил на Аркашином месте. Но дело попало такое, что раскрыть его практически невозможно. Маньяков ловить тяжелее всего. А если не знаешь, что действует маньяк, тем более. Пока Аркаша сообразит, что это серийный убийца... Если вообще сообразит. А уж соотнести сей факт с гибелью известного писателя... Глазову даже стало немного жаль бывшего коллегу.

Мельников тоже был не глуп. Понял, что без Глазова здесь не обойтись, и решился на должностное преступление. Добыл в архиве дело и принес в кабинет. Чтобы показать приятелю. Но сделал это в то время, когда коллеги ушли на обеденный перерыв. И сам собрался обедать. Глазову же сказал:

– Извини, старик. Инструкция. Сам понимаешь, теперь ты не наш. У тебя ровно час. Я тебя запру на ключ. Но ты посмотришь и мое дело, а потом расскажешь то, что знаешь. О'кей?

Дмитрий согласно кивнул. Ключ в замке повернулся, и он остался один с двумя папками. В одну даже не стал заглядывать: с убитым парнем и так все было ясно. Глянул только на фотографию, отметил, что тот смахивает на смазливую девчонку. Такие нравятся дамочкам балзаковского возраста со средствами. Нежный цыпленочек, которого хочется съесть.

Другую папку Дмитрий листал с интересом. Разумеется, исполнителей не нашли. Что толку, если убийц находят в дырявых от пуль машинах? Типичнейший случай: группа лихих парней на «Жигулях» с заляпанной грязью номерами. Пара «калашей» превратила тела в решето. Глазов испытал разочарование, потому что это было не похоже на почерк благородного убийцы. На бандитскую разборку – да. Права была Маргарита Эдуардовна. Конечно, преступник мог сводить личные счеты и послать все свое благородство к чертям собачьим. То есть привлечь к делу наемных убийц.

Но Аким Шевалье? Способен ли он нанять лихих парней с автоматами? Как все это странно!

Нет, похоже, что свою бывшую жену убил не Аким Шевалье. Глазов вздохнул. Неужели он ошибся? Значит, писатель мертв? А кто же тогда этот Андре Никольски?

Дмитрий не заметил, как время, отпущенное ему, пролетело. Ключ в замке повернулся, вошел улыбающийся Мельников:

– Давай-ка я, старик, на свое место. А ты на стульчик, во избежание. Ну, что скажешь? – спросил он, удобно расположившись за столом.

Глазов зевнул. Подарить ему Акима Шевалье? Ну уж дудки! Со вздохом сказал:

– Знаешь, Мельник, я думаю, тут не в бабе дело. Кто-то хочет, чтобы ты думал, что убила женщина. Сколько, говоришь, было у него любовниц?

– А черт их знает! Подружка у него постоянная имела, это точно. Эх и девах! Я с ней три часа недавно беседовал. В этом кабинете. Жаль, что только беседовал, но такие девочки даром не дают. А кто-то же с ними спит, а? Все врет, конечно. Но хороша! Одно слово: блондинка.

– Блондинок, значит, любишь?

– А кто ж их не любит? Жениться надо на красивых, чтобы потом обидно не было. А то попадется какая-нибудь стерва, и не будет тебе ни жизни, ни удовольствия... И кто же, потвоему, шлепнул парнишку?

– Парнишку! Он мой ровесник, между прочим! Погоди немного. Возможно, это дело за собой другие потянет.

– Да ты что?! Серийный убийца?! Нет, не похоже. Типичная бытовуха.

– Типичная бытовуха – это когда зять тещу сковородкой по голове треснет. А если тщательно подготовились и дождались, пока свидетелей не будет, значит, за этим может стоять все, что угодно. Ты это запомни, прежде чем типичные случаи коллекционировать. Ладно, спасибо за помощь. Я пошел.

– Темнишь ты, Дима. Я, значит, тебе помог, а ты... Обманул, выходит?

– А ты меня? Я тебе точно говорю: ищи маньяка.

– Да где ж я его найду! – развел руками Аркаша. – Ты мне хоть зацепку дай!

– Вот тебе зацепка, – Глазов кивнул на дело из архива. – Действуй!

– Издеваешься? Как действовать? Они ж все давно покойники! Дим, а ты обратно вернуться не хочешь?

– Куда?

– Да хоть сюда. Здесь классные мужики. Я тут мосты наведу. И все устрою.

– Спасибо, Аркаша. Ты настоящий друг. Действуй.

А если Мельников привлечет коллег и возьмет его в оборот? Э, нет! С Дмитрия Глазова взятки гладки, он чист как стеклышко. С ним можно только по-хорошему. А по-хорошему – надо вернуть в родные пенаты. Аркаша не дурак, все понял.

Теперь Глазову срочно надо было увидеть Юлию. Если бы его спросили, зачем, он начал бы нести околесицу. Сам себе бы не признался, что дело тут вовсе не в маньяке, которого он ищет. Просто соскучился.

И чем она его так проняла? Конечно, на симпатичных девушек Глазов заглядывался, как всякий нормальный мужчина, но при этом лениво думал: «Да, красивая. Хорошо было бы с нее чего-то поиметь. Но я забыл, как все это делается. Надо знакомиться, потом ухаживать, после того как схлынет любовная горячка, привыкать друг к другу, притираться, обнаруживать у нее все новые и новые недостатки, видеть ее утром без макияжа. Б-р-р-р...» И, вспомнив, что давно женат и все эти неприятные, но обязательные мелочи давно уже позади, Глазов невольно испытывал облегчение. К тому же, как всякий застенчивый мужчина, он боялся нарваться на грубый отказ. Глазов был уверен, что женщинам он нравиться не может. Полностью усредненный вариант. Без вредных привычек, но и без видимых достоинств. Товар массового потребления, никак не штучный. Короче, надежный и недорогой отечественный товар.

Глазов никогда не был за границей. Он вырос в деревне под Москвой. Маленькая родина, дом на три окна, клекот кур в сарае, зимой снег по колено, осенью грязь. Другие скажут: дурак, оттуда бежать надо. Так и бегут. Только потом понимают, что потеряли – родину. Сердце может родиться только один раз. Потому и нет человеку покоя в местах, по которым не ходили его предки. Разочаровавшись в жизни, Дмитрий почувствовал, как его потянуло в деревню. К женщине, тоже разочаровавшейся в городской жизни и тоже ищущей там покоя.

Но это было другое. А что, он и сам пока не понимал. Но тем не менее ехал.

Альфа его признала, хотя долг свой выполнила, предупредив громким лаем хозяйку. Дмитрию показалось, что Юлия ему обрадовалась. Поначалу напряженная, она вздохнула с облегчением, когда узнала Глазова. И взгляд ее стал прозрачней и теплее, словно ко льду прикоснулись солнечные лучи. И почти согрели.

– Я уже поняла: ты боишься собак, – улыбнулась хозяйка, придерживая овчарку.

– Еще чего!

– Тогда, может, погладишь?

– Еще чего! – и он метнулся по ступенькам на веранду.

Потом они сидели пили чай, и Дмитрий рассказывал о своих похождениях.

– Ты был у матери Акима Шевалье? – удивилась Юлия. – Но зачем?

– Потому что мне кажется, что он и этот режиссер – один и тот же человек.

– Этого не может быть, – уверенно заявила она.

– Почему?

– Он давно умер. Я знала Акима Шевалье. Вернее, была на его похоронах.

– Тоже поклонница его творчества? Но тогда ты должна была почувствовать его стиль в просмотренных фильмах.

– Стиль тут ни при чем. Ты ошибаешься. Подожди пять минут.

Она ушла в комнату и вернулась с журналом в яркой обложке:

– Вот, смотри. Это Андре Никольски.

Глазов взял у нее журнал и внимательно стал читать маленькую заметку о режиссере. Всего-то несколько слов. Наш бывший соотечественник, Андре Никольски, принявший американское гражданство, снял новый фильм, который обязательно будет показан по российскому телевидению. И этот режиссер построил себе недавно шикарный дом, где в гордом одиночестве вынашивает новые идеи. И фотография этого дома и самого Никольски. Цветная фотография, небольшая, но достаточно четкая. Основное внимание на дом, конечно. Еще бы: три этажа, вокруг ухоженный парк, клумбы и фонтаны. Хозяин же старается держаться в тени. Но лицо его видно отчетливо. Можно сравнить.

Глазов достал свою фотографию, положил рядом. Ничего общего. Глаза у обоих светлые, но оттенок различить трудно. А цвет волос отличается. Режиссер-то почти седой! На вид ему лет пятьдесят, не меньше. Писатель – почти красавец, у режиссера внешность более чем средняя. И лицо какое-то неприятное. Несмотря на ретушь, через всю щеку прорисовывается большая вмятина, похожая на шрам, над которым тщательно работали пластические хирурги.

– Этот человек давно умер, – повторила Юлия, бережно взяв в руки фотографию Акима Шевалье.

– Но он мог сделать пластическую операцию, – неуверенно сказал Глазов.

– Зачем? Чтобы никто не заподозрил в нем знаменитого писателя? Аким Шевалье был очень тщеславным человеком. Он так долго добивался признания не для того, чтобы все потерять. И не стал бы Шевалье из своего запоминающегося лица делать такую серость, – Юлия кивнула на фотографию, потом, словно оправдываясь, сказала: – Я много о нем читала.

– А о жене его ты что-нибудь знаешь?

– При чем здесь жена?

– Ее убили лет пять назад. Вместе с новым мужем.

– Ах да! Было. Петя знал Василия. Бизнесмены такого масштаба все друг друга знают. Они пересекались по некоторым делам. Василий Мелешев у нас как-то даже обедал. У них с Петей была общая «крыша». Так это, кажется, называется? Впрочем, Василий и сам был связан с личностями криминальными. И за это его убили. Сферы влияния не поделили. Так сказал Петя. Типичные бандитские разборки.

– Ты точно знаешь?

– Я знакома с человеком, который и сейчас владеет этой «крышей». И Петя, и Василий умерли, а он остался. Непотопляемый. Он точно знает, кто и за что разделался с Мелешевым.

– А поговорить с этим человеком нельзя?

– Зачем?

– Услышать историю бандитских разборок.

– Это неинтересно. Но к убийству своей жены Аким Шевалье не может иметь отношения. Его похоронили значительно раньше.

– Хорошо. Если хочешь меня в этом убедить, давай поедem к твоему непотопляемому.

– Наивный! – рассмеялась Юлия. – Как будто это так просто! Он с кем попало не разговаривает. К нему не прорвешься.

– Значит, не получится?

– Только ради тебя. – Она взяла со стола сотовый телефон. – Он за мной когда-то ухаживал. Старый поклонник.

– Вот как? – невольно приревновал Глазов.

– Если бы не это, послали бы нас с тобой к черту или еще куда подальше. Посиди здесь.

Она ушла в комнату и долго с кем-то разговаривала. Глазов сидел и нервничал. Он не имел на Юлию никаких прав, да и не собирался их иметь, но к нежному воркованию за стенкой прислушивался настороженно. Ему даже расхотелось ехать с Юлией к этому таинственному поклоннику. Они будут вздыхать, глядя друг на друга, нежничать и вспоминать прошлое. А он, Глазов, чувствовать себя при этом полным идиотом. Наконец Юлия вернулась.

– Завтра тебя устроит? Выходной день, и погода хорошая. Нас приглашают провести субботний отдых на природе.

– А здесь что? – проворчал Глазов.

– Здесь – скромное прибежище всеми забытой женщины, – Юлия явно кокетничала.

– Слушай, я всю свою зарплату прокатаю, пользуясь каждый день тремя видами транспорта, чтобы сюда добраться, – неловко пошутил Дмитрий.

– Напрашиваешься на ночлег? – быстро среагировала она.

– Нет, что ты! – Он тут же испугался. Еще догадается, что нравится ему! И тут же заговорил о жене: – Светлана у меня ревнивая. А вообще, она замечательная женщина: красавица, умница, готовит прекрасно, особенно хорошо у нее получается варенье.

Дмитрий плел всю эту чушь в духе Мельникова, чувствуя, как туман в Юлиных глазах становится гуще. Самому стало противно, но Глазов просто защищался. От себя.

– А дети у вас есть? – нежно спросила Юлия.

– Нет, детей нет. Светлана работает. Она еще очень молодая...

Глазов вздрогнул. Вот идиот! Сказать это женщине, которая столько думает о своем возрасте! И тут же добавил:

– Извини.

Она ладонями провела по лицу, словно снимая с него невидимую паутину. Растирала пальцами мелкие морщинки и старела при этом на глазах. Дмитрию было ее ужасно жалко. Он чувствовал, как пуста ее жизнь.

– А почему у вас не было детей? – ляпнул он.

Юлия разрыдалась. Вот это была уже настоящая истерика.

Он бегал за водой, гладил ее по голове, бормотал глупости, – словом, делал все, что положено мужчине в том случае, если женщина при нем начинает горько рыдать. А если эта женщина очень ему нравится? Тогда и слезы эти, и вода, и глупые слова, и дружеские объятия – все это сближает против воли, и все, что должно случиться – неизбежно.

Надо только дождаться подходящего случая.

Модерато (Умеренно)

Когда он вернулся домой, сериал уже закончился. Зато начался новый, под названием «Примирение супругов». На плите его ждал ужин, жена была одета не в халат, как обычно, а в обтягивающие джинсы и кокетливую кофточку. Но Глазову на это было уже совершенно наплевать. Всему свое время. Да и скучно стало разговаривать об одном и том же: на что потратить деньги. Светлана тараторила без остановки, трещала словно сорока и с той же сорочьей жадностью выпрашивала у мужа дозволение купить какие-то вещи, новые побрякушки. Глазов был уверен, что через три дня после покупки, а может, и раньше, жена уже пресытится ею и положит глаз на что-нибудь другое. Такова уж была Светкина натура. Жена загоралась моментально и столь же быстро гасла, добившись желаемого. Так же мгновенно она однажды добилась и Глазова, испортив жизнь и ему, и себе. Дмитрий не мог представить человека, с которым Светлана была бы счастлива.

Он лениво ковырял вилок в тарелке и думал о завтрашнем дне. «И зачем ей эти побрякушки? – прикидывал он, уловив, что речь идет о золотой цепочке. – Хочется машину, копила бы на машину. Давно бы уже ездили, как белые люди, а не в общественном транспорте. Может, не была бы такой раздражительной».

Водительские права у Светланы были. У Дмитрия тоже. Научился водить еще в семнадцать лет, у отца был старенький «Москвич». О собственной машине он мечтал давно, но из-за Светки все не получалось.

Полужинав, Глазов уселся дочитывать очередную книгу Акима Шевалье и сделал вид, что не замечает, как Светка ходит возле него кругами. Когда время подошло к полуночи и раздраженная его невниманием жена ушла спать, Дмитрий почувствовал облегчение.

Утром он сбежал из дома раньше, чем она проснулась. В выходные у них было принято долго валяться в постели, и пока Светлана вылеживала до положенных десяти часов, Дмитрий тихонько оделся и выскользнул на улицу.

Он поймал себя на мысли, что даже не заметил, как наступило лето. Елки-палки! Лето на дворе, а он вырядился в теплый свитер! Когда Глазов был маленьким, то с замиранием сердца ждал смены времен года и вместе с ней перемен в своей жизни. Особенно ждал новогодних праздников, втайне замирая от восторга. И тогда лето казалось Дмитрию маленьким чудом. Но время шло, и душа покрывалась каждым новым прожитым годом, как чешуей. Эти чешуйки наслаивались одна на другую, становились панцирем, пока ему не стало все равно, лето на дворе или осень, тепло или холодно, дождь там идет или снег. Любое время года воспринималось теперь с практической точки зрения: что надо на себя надеть, чтобы не замерзнуть, и все ли вещи в наличии при смене сезона. Раньше за день весны можно было прожить маленькую счастливую жизнь просто потому, что на улице хорошая погода, теперь же за несколько лет не выпадало и крупинки прежнего щенячьего восторга и случайного, ни с чем не связанного счастья.

Он шел по улице и думал о писателе Акиме Шевалье. И об Андре Никольски, американском режиссере.

По натуре Дмитрий Глазов не был преобразователем, то есть человеком, мечтающим изменить установленный порядок вещей. Он выслеживал преступников и сажал их в тюрьму не потому, что мечтал очистить общество от скверны. Зачем же так глобально? Он просто делал ту работу, которую был способен делать лучше, чем любую другую. И не задумывался над тем, почему люди совершают преступления. Почему убивают и грабят. Андре Никольски впервые заставил его задуматься. Можно ли четко определить, за что надо наказывать, а за что нет? Если с человеком поступили не нарушая закона, а он все равно чувствует себя смертельно обиженным, как быть? Андре Никольски решил: надо мстить. С другой стороны, если

каждый возьмется мстить за нанесенные обиды, да еще и убивать за это, в результате кровавой вендетты вымрет все человечество. Но что считать смертельной обидой? Для некоторых и отдавленная в общественном транспорте нога – повод для стычки. А у агрессии есть свойство накапливаться. Накопившаяся ярость ищет выхода. Чтобы этого не случилось, и существует закон. Андре Никольски его нарушил. Но Глазов отчего-то не хотел сажать его в тюрьму.

И еще: если Никольски и Аким Шевалье не одно и то же лицо, значит, Глазов сейчас работает впустую. Писатель умер, и точка.

...Когда Дмитрий приехал к Шумовой, она была уже готова в поход. Глазов оценил ее наряд: сдержанный, но подчеркивающий достоинства фигуры. Как же! К бывшему поклоннику едет! Глазов застеснялся собственных старых джинсов и простой рубашки в клетку. Свитер он снял и небрежно набросил на плечи. Она была светская дама, а он при ней вроде как телохранитель.

– Ты умеешь водить машину? – спросила Юлия.

– Машину? – слегка удивился Глазов. – Ну да. У меня есть права.

– Надо срочно сделать тебе доверенность. Пойдем.

Пришли в гараж. Постройка была кирпичная, добротная, как и все на этом участке. Юлия достала ключи и отперла гараж. Там стояла машина, «Део Нексия», темного цвета. Глазов ожидал чего-нибудь покруче. Значит, Юлия Шумова – женщина бережливая. Ключи от «Део Нексия» Юлия протянула ему со словами:

– Пользуйся.

– А ты? – спросил он.

– Я плохо вожу машину. Если честно, Петя просто купил мне права. А после того как он разбился, я окончательно поняла, что это не для меня. Не могу сесть за руль. Страшно.

Зато Глазов сел за руль с удовольствием. Сразу вспомнил старый отцовский «Москвич» и удивился тому, как просторно в салоне. Совсем другие ощущения. Он осторожно вывел машину из гаража.

– Эх и классно! До женитьбы у меня была машина, старый жигуль. Потом она развалилась, и я остался без колес. Отвык немного.

Как всякий мужчина, он страстно любил машины. Раньше наездники мечтали о породистом скакуне, теперь о мощном двигателе.

– Нравится? – с интересом спросила Юлия, усаживаясь на переднее сиденье.

– Тебе не понять.

– Потому что я женщина?

– Потому что ты не пользуешься общественным транспортом.

– Это так проблемно? Минуту, я запру ворота.

Машина выехала за огороженную территорию, и прежде чем отправиться в путь, хозяйка навесила на ворота замок.

– Продолжай.

– Видишь ли, есть такая научная теория... – Глазов осторожно выезжал на шоссе. Все-таки сказывается долгое отсутствие практики. – У каждого человека есть свое территориальное пространство. У одного десять сантиметров, у другого полметра. И если кто-то чужой это пространство нарушает, человек теряет комфорт. Вот почему люди в метро такие раздраженные. Развитое автомобилестроение – это здоровье общества, между прочим.

– А пробки?

– Пробки... – тяжело вздохнул Глазов. – Пробки – это издержки развитого автомобилестроения.

Юлия слушала невнимательно. Опустила щиток, к которому изнутри было прикреплено зеркальце заднего вида, и поправляла макияж. Глазов вновь подумал: «И кто я при ней? Тело-

хранитель? Личный шофер? Вот уж не чаял очутиться в холуях! Не лучше ли Аркаше в ножки упасть!»

Большую часть дороги они молчали.

...Человек, к которому они приехали через полтора часа, свое территориальное пространство увеличил до нескольких гектаров. На границе он поставил будку с охраной, и всем нарушителям велел учинять тщательный допрос. Кто, откуда и по какому праву? Наконец по внутренней связи было получено высочайшее соизволение, и Глазова с Юлией допустили за каменный забор. Наверное, он был очень нервным, этот влиятельный человек. Глазов подумал, что в юности его должны были долго и больно толкать локтями в метро, чтобы он решился на подобные меры предосторожности.

То, что Дмитрий увидел за забором, напомнило ему маленький средневековый замок: островерхие крыши, покрытые малиновой черепицей, длинные и узкие окна, похожие на бойницы, толстые кирпичные стены. Создавалось впечатление, что здесь собирались выдерживать не одну осаду. Трое крепких парнишек с квадратными челюстями окинули парочку внимательным взглядом и лениво расслабили бицепсы.

– В шезлонге у бассейна, – коротко сказал главный.

Босс отдыхал на природе, подставив солнцу потное лицо. Нос у него уже обгорел, но, видимо, сказать ему об этом никто не решался. Это был крупных размеров мужчина, с объемным животом, до пояса голый, в шортах. Увидев Юлию, хозяин поднялся навстречу и широко развел руки, словно пытаясь ее обнять:

– Юленька, солнышко, что ж ты меня забываешь?

Объятия не состоялось. Нет, не она его забыла, а он уже отдал свое сердце другой. В его глазах Дмитрий не увидел чисто мужского интереса к симпатичной гостье. И успокоился. Юлия тоже это понимала, отвечала вяло, но прическу на всякий случай поправила:

– Как я? – тихонько спросила она Глазова, пока хозяин распоряжался насчет обеда.

– Ничего.

– Послушай, ты комплименты говорить умеешь? – обиделась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.